

Алла Лебедева

ЗАНЕСЁННЫЕ СНЕГОМ

Иркутск
2026

Алла Лебедева

Занесённые снегом

<https://litres.ru/74023408>

SelfPub; 2026

Аннотация

Две подруги Юлия и Енна, выросшие в маленьком сибирском городе, однажды решили, что никогда не расстанутся. Но судьба не спрашивает совета у людей. Оказалось, что злу так просто разрушить то, что укреплялось годами...

Содержание

1	4
2	27
3	39
4	64
5	73
6	100
7	102
8	107
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Алла Лебедева

Занесённые снегом

1

Енна ожесточенно стучала пестиком по деревянной ступке, измельчая таблетки.

Она готовила лекарство для своего старого кота Фильки, страдающего заболеванием кишечника.

Почувствовав раздражение хозяйки, сиамский кот, безусловный любимец семьи, совершенно уверенный в своей неотразимости, был озадачен. Он выгнул серую спинку и вопросительно вытаращил на Енну свои голубые глаза.

Женщина улыбнулась и нежно погладила кота по ухоженной серой шерстке. Филька успокоился и завел свою кошачью мелодию, безотказно действующую на хозяйку сильнее всяких антидепрессантов.

Причиной раздражения Енны был вовсе не кот. Да и сама Енна не относилась к категории вечно всем недовольных дам.

Поводом ее раздражения являлась другая причина.

Только что её муж Янис сообщил, что завтра с утра к ним приедут Ермолаевы. Именно это неприятное известие вывело Енну из душевного равновесия.

— Это всё, потому что твой хозяин слишком мягкий, — со вздохом произнесла Енна, ласково поглаживая кота по серой спинке. Забыв, что именно эта черта характера много лет назад так сблизила их с мужем.

* * *

Семья Ермолаевых не ходила в круг их близких друзей или родственников. Вернее сказать, не вся семья.

Лет двадцать тому назад Янис Ружецкий, муж Енны, работал с Герасимом Ермолаевым. Они были водителями в автотранспортной организации в Иркутском районе. Мужчины подружились, обнаружив много общих увлечений. Рыбалка, спорт, автомобили.

Затем Герасим вернулся домой, в небольшой городок Малозерск, находящийся на севере области. Расставаясь, Герасим и Янис обменялись телефонами, чтобы сохранить общение.

С тех пор не проходит года, чтобы Ермолаевы не нанесли им своего обязательного визита.

Если непритязательный и молчаливый Герасим Ермолаев не вызывал у Енны никаких неприятных эмоций, то его жена, толстая беспардонная Вера порой доводила до бешенства.

Ермолаевы приезжали к ним прошлым летом.

Напросились на пару дней, а прожили почти две недели.

Эти две недели показались Енне такими долгими, что когда автомобиль Ермолаевых, наконец, выехал за пределы домашнего забора, Енна испытала чувство необыкновенного облегчения.

Одно дело, терпеть Ермолаевых летом.

На территории своего земельного участка Ружецкие построили маленький летний домик. Там была железная печь-камин, отапливаемая дровами, стол, пара стульев, за перегородкой находился широкий диван на толстых деревянных ножках. Обычно гости оставались ночевать в этой кухне и спали на этом диване.

Но куда разместить гостей зимой? Дом Ружецких был не велик. Он состоял из двух комнат и кухни. Одна комната служила спальней для Енны, в другой спал Янис.

Енна с содроганием вспомнила прошлый визит Ермолаевых...

Вера не собиралась ограничиться пространством гостевого домика. Она с раннего утра заходила в комнату, не обращая внимания на спящую Енну.

— Хорош дрыхнуть! С голоду с вами сдохнешь! — Вера по-хозяйски расхаживала по дому Ружецких, открывала холодильник, доставала оттуда всё, что ей понравится. При этом она постоянно дымила сигаретой, разбрасывая пепел повсюду. Хотя ей было известно, что у Енны аллергия на табачный дым.

— Почему у тебя нет штор? Такое ощущение, что ты ре-

монт не доделала. Так и быть, привезу тебе свои. Они конечно малость полиняли от стирок, дырочка внизу есть маленькая, окурком прожгла моя безмозглая невестка... Но всё лучше, чем совсем без штор, — размышляла вслух Вера, полужележа на кухонном диване.

— Спасибо. Не надо никаких штор. Я специально избавилась от них, чтобы любоваться видом из окон, — сцепив зубы, отвечала Енна. Краем глаза она видела, что Вера внимательно изучает обивку дивана, отковырнув длинным ногтем краешек куска искусственной кожи.

Закончив исследование, Вера разочарованно зевнула и встала, чтобы открыть холодильник. Намазав на батон толстый слой шоколадного масла, она вновь падала на кухонный диванчик всем своим жирным телом и начинала в сотый раз рассказывать Енне, как ловко она отбила своего Герку у родной сестры Светки. После чего Светка перестала разговаривать с ней. Что страшно злило Веру. Ведь Светка теперь жила в Москве и сознательно скрывала свой адрес от сестры.

— Нет, ты понимаешь, Енька, какая Светка тварь? Мы с Герой могли бы пожить у них пару месяцев в отпуске. Я давно хотела посмотреть, как люди в столице живут. А что теперь? Родная сестра живёт в Москве, а мы не знаем, где её искать! Ну не тварь ли? — возмущалась Вера, размахивая бутербродом. Кусочки масла с хлебными крошками падали и блестели на полу.

— Кто же вам мешает поехать в Москву? Сейчас можно

забронировать любую гостиницу, отель и спокойно жить там, — сквозь зубы отвечала Енна, которой приходилось часами стоять у плиты, чтобы накормить ненасытных гостей. У Веры был неуёмный аппетит. Она всё время испытывала потребность что-то жевать.

— Чаво? Ты знаешь, какие бабки слупят с нас за гостиницу? А мы с Геркой и так все в кредитах! Сыну квартиру купили. Кстати, не одолжишь мне тысяч пятьдесят? Надо внести один взнос, язви его за ногу, — спросила Вера, встав за очередным бутербродом.

— Ну откуда у нас, простых пенсионеров такие деньги? Тем более, что ты мне ту тридцатку так и не вернула, — ответила Енна, с досадой вспоминая свою слабость. Однажды она одолжила Вере тридцать тысяч рублей из своего сокровенного запаса, поддавшись на уговоры.

— А ты ничего не попутала? Когда это ты мне тридцатку давала? А если и давала, так значит, я давно вернула. Надеюсь, что если у меня склероз, так теперь вали всё на бедную старушку! — Вера жалобно всхлипнула и запила своё возмущение кружкой кофе со сгущенным молоком.

Енна промолчала, понимая бессмысленность спора. Она нарезала мясо на продолговатые ломтики и выложила на дно чугунной утятницы.

— Тю! Это ты для своего кота мяса нарезала? Моему Герке, так это, на один зуб! У тебя что, нет кастрюли просторней! — воскликнула Вера, бесцеремонно заглядывая через

плечо хозяйки.

Собрав все свое терпение, Енна промолчала и продолжила резать лук на деревянной разделочной доске.

— Ну, куркули! Вот же есть еще кусок говядины! Давай-ка я его сама пожарю! Уж точно лучше, чем ты сделаю! — радостно произнесла Вера, обследуя холодильник. Она деловито вооружилась другим ножом и бесцеремонно оттеснила хозяйку от плиты.

Обычно к концу пребывания Ермолаевых в гостях скромный бюджет Ружецких трещал по швам.

* * *

С самого утра, чтобы она не делала, все валилось из рук. Вдобавок в селе снова отключили электричество. Хорошо, день выдался относительно теплый, термометр показывал всего десять градусов ниже нуля. Пришлось варить пельмени на маленькой уличной печке, стоящей во дворе.

«Если электрики не наладят сеть, мне придется стоять на морозе и варить еду этой ненасытной и вечно голодной бабе? Зная Веру, она останется здесь надолго... Выходит Новый год, этот теплый домашний праздник я буду встречать с людьми, глубоко чуждыми мне?» — с отчаянием думала Енна, помешивая бульон в кастрюльке.

К вечеру, вновь проснувшаяся антипатия к Вере, внутренний протест против вынужденного общения с нежелатель-

ной особой, раздражение с этим связанное, достигли самой кульминации.

— Господи, сделай так, чтобы они не приехали! — произнесла Енна, глядя в необъятные просторы декабрьского неба.

На этот раз Енна послала в пространство вселенной негативный посыл такой силы, что он превратился в энергетический сгусток огненной энергии и подобно шаровой молнии достиг того места, где стояла, готовая к выезду, облезлая «Тойота» Ермолаевых.

Негативный сгусток застрял в моторе, где, наконец, иссяк.

* * *

Тем временем Вера жизнерадостно напевала песенку про Новый год, бросая вещи в дорожную сумку. Она намеревалась прожить у Ружецких до середины января, то есть, до следующей пенсии. Денег в доме не было, проклятые коллекторы выдавили из простодушного Герасима всё до копейки.

Кроме того, была еще одна веская причина для спешки.

Если они не успеют вовремя уехать, может нагрянуть бывшая невестка Ольга с двумя малолетними внуками, которые способны замучить до смерти любого здоровяка, не говоря уже о Вере, которая находилась в возрасте всевозможных недугов. Разумеется, Вера любила своих внуков, однако она хорошо знала разрушительные последствия их визитов.

В прошлом месяце шестилетний Витя всего на пять минут завладел телефоном бабушки. Через три дня в квартиру Веры позвонили.

— Эй! Кто вы? Что за бандуру вы мне притащили? — закричала Вера, когда отстранив ее с прохода, трое крепких молодцов в синих комбинезонах внесли в комнату огромную коробку.

— Все, как заказывали. Токарный станок с программным управлением! Проверьте комплектность и распишитесь вот здесь, — один из бугаев, по всей видимости, старший, сунул под нос Вере какие-то бумаги.

— Зачем мне ваш станок? Я ничего не заказывала! Это ошибка! — в ужасе завопила Вера, увидев сумму, указанную в счете.

— Вера Леонтьевна Ермолаева? — уточнил старший грузчик.

— Да, это я, — согласилась Вера.

— Стыдно, гражданочка! А еще пожилая женщина! Мы тут потом обливаемся, стараемся угодить вам, а вы от своих заявок открещиваетесь! В общем, мы свое дело сделали! Теперь разбирайтесь с нашим офисом! — с укором ответил парень, пряча бумаги в карман куртки. После чего они с двумя напарниками быстро вышли из квартиры.

Тогда Вере стоило больших усилий вернуть товар. Фирма поставщика взяла с нее несколько тысяч за произведенную транспортировку.

К тому же, учитывая невероятный аппетит мальчиков, пришлось бы снова идти на поклон к Ирке Солодовниковой, продавцу местного продуктового магазина, чтобы просить продукты в долг.

Как ни крути, а поездка к Ружецким казалась Вере хорошей идеей.

Конечно, она вполне понимала, что их приезд не вызовет особой радости у хозяев, особенно у Енны. Она даже вполне допускала явное недовольство Ружецких, когда они сообразят, что Ермолаевы не просто заглянули к ним «на огонек», а приехали на полмесяца.

Однако в жизненные принципы Веры не входила привычка раздумывать о чувствах других. Тем более, где найдешь ещё таких интеллигентов, как мягкотелые Ружецкие. Даже если они чем-то не довольны, вряд ли станут выражать это прямыми методами.

В лексиконе Веры значение слова «интеллигент» по смысловому значению приравнивалось к слову «идиот».

Собравшись, Вера быстро сбежала с четвёртого этажа с сумками наперевес. В сумках была теплая одежда на случай аварийной остановки в пути. Все остальное, необходимое для проживания, им предоставит принимающая сторона. Так решила Вера.

Герасим стоял, наклонившись над открытым капотом автомобиля.

— Вера, я ничего не пойму. Что-то случилось с мото-

ром... — виновато сказал муж, заранее делая защитную стойку, прикрывшись от неминуемого удара по лицу. Когда-то Герасим занимался спортивной борьбой и мог хорошо прогнозировать действия противника.

— Ой, смотрите, дети! Это ваша любимая бабушка Вера! — раздалось слева от разъярённой Веры, уже размахнувшейся, чтобы посильнее ударить мужа дорожной сумкой.

Руки у Веры бессильно опустились.

Двое крепких пацанов с радостным визгом подлетели к ней, схватили бабушку за руки и весело потащили в подъезд дома.

Невестка Ольга проследила за ними довольным взглядом и набрала на своем смартфоне номер подружки Валентины, живущей в одной пятиэтажке с Ермолаевыми.

— Валька, спасибо, что сообщила. Я успела! Подъезжай, жду! — сказала в трубку Ольга и с облегчением закурила сигарету.

Через пять минут темно-зелёные «Жигули» затормозили возле Ольги. Та загасила сигарету и запрыгнула на переднее сиденье.

— Твоя свекровь так смотрит на нас из окна, словно хочет просверлить дырку в стекле! — усмехнулась Валя и нажала на газ.

— Пусть отвечает за то, что вырастила алкаша и бездельника! А то ишь, сбежать надумала старая... — ответила Ольга и радостно приложилась к горлышку начатой бутылки

шампанского, обнаруженной на заднем сиденье.

* * *

Поняв безысходность ситуации, Вера отошла от окна и покорно встала к плите жарить мальчикам их любимый попкорн.

Их сын Остап второй месяц находился в очередном запое. Они с Ольгой разошлись два года назад. Официально развод оформлять ни тот ни другой не спешили, но Ольга сразу подала заявление на алименты.

Однако Остап уволился из транспортной автоколонны и запил. Долг по алиментам растет подобно снежному кому. Судебные приставы разводят руками, взять с Остапа нечего.

Квартира, подаренная Остапу родителями, была арестована. Описаны ценные вещи, принадлежащие супругам. Написав жалобу в суд, Ольга подразумевала, что судебные приставы разыщут и силком вернут ей мужа.

Но вместо этого они нагрянули к ней домой, и яростно арестовали холодильник и старенькую микроволновку. Они даже приглядывались к рыжему коту Борьке, интересуясь его породой. Но Борька зашипел и вцепился в ногу одному из приставов. Желание внести агрессивное животное в список ценных вещей, у исполнителей судебного решения тут же пропало.

Сам Остап поселился на квартире новой сожительницы,

пожилой вдовы Василисы Петровны Ипраковой.

С помощью молодых друзей пятидесятилетняя Василиса Петровна развеивает свою скорбь по покойному мужу, скончавшемуся от общеизвестного в местных краях диагноза: алкогольная интоксикация.

С тех пор Ольга осыпает упреками свою свекровь, будто она виновата в том, что их семья распалась. При каждом удобном случае привозит к ней двух сыновей от Остапа, близнецов Витю и Колю, полагая, что свекровь обязана нести на своих плечах груз солидарной ответственности за своего непутёвого сына.

Из состояния задумчивости Веру вырвал громкий стук по радиатору центрального отопления. Это означало только одно: из психиатрической клиники снова выписали соседку из квартиры этажом выше.

* * *

Соседка Веры, Мацукина Галина Степановна жила в трехкомнатной квартире этажом выше, прямо под квартирой Ермолаевых, ещё со времён горбачёвской перестройки.

На вид спокойная пожилая женщина небольшого роста, среднего телосложения. Огромные очки с толстыми линзами скрывают половину сморщенного лица с близко расположенными пронзительными черными глазками и мясистым носом.

Встретив соседей в подъезде, Галина Степановна не отвечала на приветствие, а лишь с подозрением оглядывала каждого с ног до головы.

Однажды ночью Вера проснулась от стука в кухонную дверь, выходящую на открытую лоджию. Женщина осторожно зашла на кухню и приблизилась к окну. Там стояла Галина Степановна в байковой ночной сорочке, с растрепанными волосами, со злым выражением лица. Соседка, непонятно откуда явившаяся на их лоджию, отчаянно колотила в дверь. Вера в растерянности открыла дверь.

Возмущенная её нерасторопностью, Галина Степановна дёрнула плечиками.

Шаркая резиновыми тапками, надетыми на толстые шерстяные носки, она прошла мимо хозяйки в коридор. Без труда открыв входную дверь Ермолаевых, старушка исчезла в темноте подъезда.

Ошеломленная Вера вернулась на лоджию, подняла вверх голову и увидела пару простыней, связанных узлом.

Назавтра Вера шла из магазина с пакетом молока. У самого подъезда её вдруг настигла незнакомая женщина и набросилась с кулаками.

— Женщина, вы кто? Что вам от меня нужно? — стала отбиваться Вера, которая тоже была не хилого телосложения и могла постоять за себя. Завязалась короткая потасовка. Вера оказалась более тяжелой весовой категории.

Когда обидчица оказалась на асфальте с подбитым глазом,

она вдруг быстро пришла в себя и удивила Веру своей спокойной интонацией.

— Зачем вы выпустили мою мать на улицу? Теперь мне пришлось выкупать её у ментов за бабки, — пояснила женщина причину нападения. Оказалось, что это была Нина, дочь Галины Степановны.

Выяснилось, что ночью, спустившись, «аки ангел», по связанным простыням на лоджию соседей, Галина Степановна вышла во двор и начала своё полное приключений путешествие по улицам города.

Проходя мимо остановки автобуса, она стащила недоеденный пирожок у зазевавшегося паренька, после чего вырвала банку кока-колы у другого подростка, онемевшего от подобной наглости. Затем старушка славно закусила, присев на скамейку.

Позже она заметила остановившийся автобус, куда незамедлительно села.

Её нашли утром сладко спящей на лавочке в фойе круглосуточного супермаркета.

Там было тепло, светло и, по всей видимости, не наблюдалось никаких насекомых.

* * *

Нина пришла в квартиру к матери в среду, как это она делала обычно. Женщина работала сторожем в строительной

мастерской. По средам у неё был выходной. Открыв квартиру своим ключом, Нина обнаружила отсутствие матери.

Через пару часов поиска Галина Степановна была обнаружена в комнате временного заключения в отделении полиции, расположенного в двенадцати километрах от места постоянного проживания.

— Вот счет материального ущерба, понесенного от действий вашей матушки. Деньги не вернёте, мать не получите! — жестко сказал пожилой усталый дежурный и выкинул в окошечко листок бумаги с перечислением украденных продуктов.

— Булочка с маком — 6 шт, бутерброд с колбасой — 6 шт, стакан пластиковый — 6шт, борщ домашний — 6 порций, котлета по-киевски с гарниром — 6 порций, компот из сухофруктов — 6 стаканов, коньяк армянский — 0.5 л, — начала читать Нина.

Внизу стояла итоговая сумма: двенадцать тысяч пятьсот рублей.

— Но моя мать, старушка семидесяти шести лет, она не могла съесть столько, — в недоумении проговорила Нина.

— Гражданочка! Вы хотите, чтобы вашу мать посадили по уголовной статье, за кражу? — рявкнул разгневанный полицейский, сыто икнул и захлопнул перед носом Нины своё окно.

Женщина вздохнула и полезла за кошельком, в котором лежала заветная двадцатка, прихваченная из материнской

пенсии.

* * *

— Мама, менты с меня тринадцать тысяч содрали, да ещё за такси оплатила, — шипела на мать Нина, когда они в такси возвращались домой.

— Не ной! Нечего было ключ от квартиры забирать! Знаешь, что я не люблю ужинать в одиночку. А тут такие славные ребята вокруг! Давно я не ужинала в такой приятной компании, столько слов хороших про себя услышала... Не то, что от тебя! Что это ты рот скривила? Можно подумать, ты свои отдала! Будто я не видела, как ты вчера возле шкатулки с деньгами пыль протирала, — ответствовала Галина Степановна, потирая ноги, которые она отсидела на жесткой камерной скамье. Нина надула губы и отвернулась от матери.

Её душила злость на родительницу. Столько сил было отдано, столько страниц заявлений было написано, чтобы матушку забрали в психиатрическую лечебницу. Но её там продержали пару месяцев и вернули домой, как не представлявшую опасности для окружающих.

* * *

— Аркаша, что это значит? Ты обещал, что мать продер-

жат в больнице не меньше года? — возмущенно спросила Нина у мужа, заверившего его в близком знакомстве с заведующей психиатрическим отделением.

— Прости, Нинка! Сорвалось... Розу Иосифовну внезапно уволил новый начальник управления. Понадобилось местечко для его сына. А так бы Роза сдержала свое слово. Я «крышевал» ее непутевого сыночка, который задолжал кучу денег кое-кому, — пригорюнился Аркадий.

Нина тоже тяжело вздохнула. Ведь как славно они с мужем прожили эти пару месяцев.

Материнскую квартиру Нина сдала подруге с сожителем, предварительно опустошив шкатулку с материнскими накоплениями.

Аркадий смог, наконец, выкупить свой старенький автомобиль со штрафной стоянки.

На этой машине они с Ниной совершили увлекательную поездку на Аршан. Поселились в домике с видом на горы и целыми днями валялись на шезлонгах, попивая холодное пиво.

Муж Нины, Аркадий Крупенько недавно вышел в отставку. Он отработал минимальный стаж судебным приставом в чине лейтенанта.

Работал бы ещё, да природные амбиции вкупе с жадностью помешали. На Аркадия поступало слишком много жалоб от граждан.

Не оставив попыток повторить славную прогулку по ноч-

ному городу, Галина Степановна, спускаясь по связке простыней, вдруг почувствовала, что сидит на крыше из металлического профиля.

Это Герасим, измученный скандалами с женой и дочерью соседки, соорудил над лоджией козырёк.

Такого хамства Галина Степановна не ожидала. Ей пришлось взывать о помощи, держась за простыни, дабы не соскользнуть вниз со второго этажа.

Несмотря на поставленный психиатрами диагноз, старушка не собиралась расставаться со своей увлекательной жизнью. Она считала себя вполне здоровой и желала жить так, как ей хочется. Горе тем, кто встанет на ее пути.

Бережно снятая с козырька сотрудниками спасательной службы, Галина Степановна вернулась домой и настрочила в коммунальную контору свою вдохновенную жалобу на соседей Ермолаевых, лишивших её стольких радостей и удовольствий.

С тех пор она начала против них свой личный крестовый поход.

Спустя пару месяцев относительно спокойной жизни к Ермолаевым пожаловал участковый Антон Дмитриевич Веснин. Он вежливо попросил разрешения пройти на лоджию и внимательно осмотрел её. Лоджия была пуста, если не считать горшков с цветами, которые Вера выставила на солнышко.

Участковый отчего-то затосковал. Он достал из своего

планшета бланк протокола и стал писать, присев за кухонный стол.

— Что случилось? — поинтересовалась Вера.

Дело было ранним утром. На голове у Веры была масса из термобигудей, в руках коробочка с ленинградской тушью, которую она густо нанизывала на свои короткие редкие ресницы.

Участковый вздохнул и показал ей длинное письмо, написанное мелким подчерком.

В нём патристически настроенная гражданка Мазукина Г. С предупреждает правоохранительные органы, что злостная семейка Ермолаевых самовольно возвела конструкцию над крышей подъезда с целью хранения на лоджии подозрительных деревянных ящиков со странным содержимым, вполне возможно взрывоопасными предметами, а может и боеприпасами. Это в то время, когда в стране повсеместно началась борьба с терроризмом.

Возмущенная Вера принялась рассказывать о проиcках соседки.

— Я вас понял. Но должен отреагировать на сигнал, — спокойно ответил Антон Дмитриевич и попросил Веру расписаться в протоколе.

— А нам теперь что делать? — растерянно спросила Вера.

— Разобрать козырёк, — сказал участковый и попрощался.

— Чтобы эта бабка снова шастала по нашей лоджии по

ночам? — воскликнула Вера.

Но участковый уже молчаливо прикрыл за собой входную дверь.

* * *

— Это тебе Аркашка фингал поставил? — спросила Галина Степановна у дочери. Они сидели на кухне и пили чай.

— Да, нет... С Веркой Ермолаевой подрались, — вяло отозвалась Нина. Мать сильно раздражала её. Она бы давно ушла домой, но был день доставки пенсии. Галина Степановна не доверяла банкам и пенсию ей приносили домой. Нине хотелось выпросить у матери немного денег.

— А это хорошо. Надо принудить этих Ермолаевых продать квартиру. А ты её купишь. Я буду жить там, а ты поселишься в мою, — одобрительно сказала Галина Степановна, прихлёбывая горячий чай из кружки.

— Зачем тебе их квартира? Тебе что в этой плохо живётся? Квадраты те же, — удивилась Нина.

— А затем, что на эту квартиру у меня еще тридцать лет назад были виды. Только в этой квартире такой выход из кухни. Сидишь на солнышке, всех сверху видно, кто куда пошел, кто от кого вышел... Она бы мне точно досталась, если бы твой папаша, тюха — матюха, не испортил все мои планы. Квартира досталась Машке Резванцевой, бухгалтерше. А потом Машка уехала в Краснодар и продала квартиру этим Ер-

молаевым, — с досадой Галина Степановна резко поставила кружку на стол так, что чай едва не выплеснулся на клеёнку.

— Ты бы оставила, наконец, отца в покое. Жизни ему не давала, а теперь ему в гробу покоя нет. Вон у тебя балкон есть, сиди, пей там чай! Что такого особенного в квартире Ермолаевых, что тебе её так хотелось? — раздражённо спросила Нина.

— Что я с этого балкона увижу? Как соседи своих шапок выгуливают в роще? А у Ермолаевых лоджия прямо на центральный рынок смотрит. Весь народ там! Как вспомню, как Машка развалившись, сидела на лоджии, чай швыркала. Тварь, ни разу меня не пригласила. А мы ведь с ней из одной деревни, — со злостью ответила Галина Степановна. Её маленькое сморщенное личико затряслось.

— Это из-за этого ты ей тогда на голову дохлую мышь сбросила? — ехидно поинтересовалась Нина.

— Да, сбросила! А кто докажет, что это я? Сверху ещё шесть этажей. Вот она побегала тогда по подъезду, вот где я повеселилась! — рассмеялась Галина Степановна.

— Слушай, мать. Если тебе так эта квартира нужна, сходи да поговори с Ермолаевыми. Они сейчас без денег сидят. Предложи доплату, они с радостью поменяются, — озарило Нину.

— Нет уж! Фигу им с маслом, а не доплату! Я сделаю так, что это они будут предлагать мне доплату. Вот тогда поменяюсь! — Галина Степановна мечтательно покачалась на стуле.

Тут в дверь постучали. Пришла почтальон Ольга Иванова, принесла пенсию.

— Мам, это самое... Ты в прошлый раз обещала мне за стирку пару тысяч... Дома хлеба ни крошки, — привычно за-
ныла Нина.

— А твой толстобрюхий боров когда устроится на работу? Жрёт в три горла, а как работать, то у него понос, то золотуха, — проворчала Галина Степановна. Однако отсчитала пять купюр по одной тысяче и сунула дочери.

Нину как ветром сдуло. Уходя, она снова закрыла мать в квартире и забрала ключ с собой.

— Мам, это для твоего блага! — слышалось за дверью.

Галина Степановна выглянула в окно. Козырёк из серого металлического шифера по-прежнему был на месте.

Старушка села за стол, распечатала новую пачку писчей бумаги и снова принялась за своё любимое занятие.

Настроив очередной донос на Ермолаевых, она, уже ради развлечения, написала в службу госбезопасности, что Кирьян Панкратов, сосед с седьмого этажа, неодобрительно отзывался о продвижении русских войск в Донбассе. Кирьян не нравился Галине Степановне тем, что однажды сделал ей замечание, когда она поздним вечером швыряла пакет с мусором на лоджию Ермолаевых. Проклятый козырёк лишил её и этого невинного развлечения.

Довольная своим трудом, Галина Степановна любовно сложила конверты с жалобами в стопку.

В среду Нина отнесёт их на почту.

Вера никогда не отличалась легкомысленным отношением к деньгам. Она умела считать и копить деньги. И если уж ей приходилось прибегнуть к такому механизму их получения, как кредит, то это был исключительный случай.

А как еще можно назвать историю внезапного обогащения их матери.

Когда сестра Светлана, которая исчезла из поля общения Веры на долгие десять лет, вдруг позвонила ей, Вера испытала состояние, близкое к анафилактическому шоку.

А когда Светлана сообщила, что их мать выслала официальное приглашение на свадьбу с состоятельным израильским гражданином Михаэлем Бурдевичем, то дар речи у Веры пропал совершенно.

Мечта об иностранном женихе, который увезет их на солнечное побережье неведомой сказочной страны, не давала уснуть сестрам Мастаковым с ранних лет. Разумеется, в этих мечтах места для их пышнотелой пожилой матери не находилось.

Даже в самых смелых фантазиях нельзя было представить, что их почти безграмотная, утирающая потное лицо линиялым застиранным фартуком, повариха Феодосия Кузьминична Мастакова, представляет интерес для кого-либо, кроме пьяных местных оборванцев, кланчащих у неё пиро-

жок или булку.

* * *

Последние пять лет Феодосия Кузьминична, попавшая под сокращение в городской пекарне, подрабатывала тем, что разносила по мелким частным организациям свежееиспеченные пироги и шаньги. Стряпня у неё отличалась аппетитным видом, свежей начинкой и натуральным вкусом. Вечером, после работы, уставшая Феодосия Кузьминична приходила в свою скромную однокомнатную квартирку, где её, кроме преданного песика Лисёнка, подобранного ею на улице, никто не ждал.

Раньше у семьи Мастаковых была четырёхкомнатная квартира в хорошем районе. Но младшая Вера потребовала от матери раздел жилплощади. Они разъехались.

Вера с мужем въехала в прекрасно отделанную трехкомнатную квартиру недалеко от центрального рынка. Феодосия Кузьминична перебралась в маленькую однокомнатную квартирку на окраине города.

Ее квартира была без окон и дверей, с гниющими половицами и потрескавшимися от перепада температур стенами. Впервые увидев это помещение, Вера испугалась, что мать откажется от обмена и горячо пообещала дать матери деньги на ремонт.

Но про своё обещание благополучно забыла.

Муж Феодосии Кузьминичны, Леонтий давно умер от злоупотребления алкоголем. Его печень не выдержала ежедневных возлияний дешёвого самогона.

Поэтому несколько лет Феодосия Кузьминична ремонтировала жильё на свою скудную пенсию.

Дочери жили своей отдельной жизнью, озадаченные своими проблемами. Они вспоминали про мать только в праздники, позвонив её по телефону и наскоро проговорив пожелания. Женщина почти не виделась с ними. Вначале она пыталась приезжать к дочерям в гости, но вовремя заметила, что её визиты дорогих дочек не радуют.

Её старшая дочь Светлана уехала в Москву, а младшая Вера с годами стала резкой и раздражительной. Развеселить дочку могла только приличная сумма денег, подаренная матерью. А где матери взять денег? Много ли заработаешь на пирожках да булках?

Но даже если Феодосия Кузьминичне удаётся собрать небольшую сумму, то радость Веры была недолгой. Особенно учитывая тот факт, что с уходом на пенсию у Феодосии Кузьминичны было всё меньше возможностей обрадовать дочку.

Поэтому её визиты к Вере становились реже, а потом и вовсе их общение ограничилось телефонными переговорами. К огорчению Феодосии Кузьминичны, Вера не стремилась увидеть мать вживую.

— Мам, ты купи какой-нибудь старенький компьютер и

пиши, если что. А то у меня времени на разговоры совсем нет! — заявила как-то дочка своей оторопевшей матери.

Поехать к Светлане в Москву было не на что. К тому же, Светлана не приглашала мать к себе. Говорила, что сама снимает комнату у знакомых.

Впрочем, старшую дочь Феодосия Кузьминична любила поособенному. Отношения со Светланой у Феодосии Кузьминичны складывались намного ближе, чем с Верой.

Сестры росли совершенно разными.

Отчасти это объяснялось тем, что Светлана привыкла рассчитывать на себя, а Вера росла с ощущением, что все ей должны.

Подкопив немного денег путем невероятной экономии, пенсионерка Мастакова купила старенький подержанный компьютер. С помощью пятнадцатилетней соседки Яночки научилась работать с ним.

* * *

Первым делом, скущая без мужского внимания Феодосия Кузьминична зарегистрировалась на сайте знакомств.

Конечно, она не рассчитывала на огромный интерес мужского пола, который хлынет на неё из интернета, однако надежды не теряла.

Феодосия Кузьминична разменяла восьмой десяток. Хотя на здоровье она не жаловалась, однако обладала рациональ-

ным мышлением и понимала ограниченность своих физических возможностей.

Женщина была реалисткой. Она была уверена в том, что в огромном мире найдется пара-тройка одиноких пожилых мужчин, тоскующих по настоящей домашней котлетке и тарелке ароматного красного борща. Тем более, если к этому прилагается мягкая женская грудь, куда можно припасть и выплакать всю свою необъятную тоску и печаль.

Она оказалась права. Через пару месяцев разной бессмысленной переписки ей пришло сообщение из Израиля.

Семидесятилетний Михаэль задавал ей массу вопросов о ней самой, а также сообщал, что его настоящее имя Михаил, а родился Миша Бурдевич в деревне Маковка Иркутской области, откуда сама Феодосия Кузьминична была родом.

Женщине было нечего скрывать, она ответила на все вопросы. У них с Михаэлем нашлись общие давние знакомые, после чего завязалось нечто, похожее на дружбу — онлайн. Мужчину интересовало всё, что касается жизни Феодосии Кузьминичны, включая здоровье любимого песика Лисёнка.

Такого внимания прежде Феодосия ни от кого не получала. Она прожила с покойным Леонтием почти тридцать лет, но кроме синяков под глазом да пинков, мало что могла вспомнить.

Через три месяца довольно активной переписки Михаэль отправил подруге гостевое приглашение. А еще через три месяца он сделал Феодосии Кузьминичне официальное

предложение.

* * *

— Где я возьму столько денег на билет до Тель-Авива? — воскликнула Вера, когда Светлана озвучила стоимость поездки.

— Возьми кредит! Не ойкай, дура! Я всё расскажу тебе, когда приедешь. Но кое-что могу сказать сейчас, чтобы ты не сомневалась, что наша мать оплатит все наши расходы. Она призналась мне, что её жених уже сделал ей свадебный подарок. Знаешь, что? Ты себе представить не можешь, Верка! Он подарил матери особняк стоимостью два миллиона долларов! Теперь догадайся, сколько мать собирается подарить нам с тобой, своим дочерям? По миллиону каждой! Да нет, не рублей, а долларов! Теперь поняла? Ноги в руки и беги оформляй кредит! Вышлешь мне деньги, я закажу билет до Тель-Авива, пока ты добираешься до Москвы! — выкрикнула в трубку Светлана.

Возбуждённая новостью Вера помчалась в банк. Потом в миграционную службу за заграничным паспортом.

Потом в салон красоты, дабы не упасть лицом перед новыми родственниками.

Светлана приняла сестру довольно сдержанно, но не враждебно.

Вера окинула взором просторную кухню сестры в частном доме недалеко от центра столицы. Зависть снова сдавила сердце стальным обручем.

— Светка! Ты не сердишься на меня? — тихо спросила Вера.

Она не рассчитывала на теплый приём и ожидала, что сестра первым делом выскажет ей свои упреки и претензии. Но Светлана налила Вере кофе в тонкую фарфоровую пару с золотым ободком, положила серебряную ложечку, затейливо украшенную на ручке вензелями, и улыбнулась.

— Из-за Герки? Сначала я, конечно, сердилась. Ведь у меня была не то, чтобы любовь, но симпатия к нему. А после раскинула мозгами и подумала: не отбей ты у меня этого увальня, наверняка, я осталась бы в Сибири, вышла бы замуж и стала такой, как ты. А так, я неплохо устроилась, дай Бог каждому. Сама видишь! — при этих словах Светлана набрала номер и сказала в трубку: Мария Семёновна! На чайных ложках темные пятна! В следующий раз более тщательно почистите столовое серебро!

— Это я домработнице. Так сложно нынче найти чистоплотную прислугу, — Светлана вздохнула, поднесла к накра-

шенным губам чашечку с кофе и сделала маленький глоток.

Веру чуть не разорвало от внутреннего напряжения и злости. Выходит, она, желая досадить удачливой сестрице, сделала ей одолжение, убрав с пути нищего Герасима.

С трудом сдержавшись, чтобы не запустить в проклятую сестрицу чашку с горячим напитком, Вера промолчала и даже заставила себя натужно улыбнуться.

— А где твой благоверный? Это он так обеспечил тебя? — глухо спросила она у Светланы, кивнув на дорогую мебель в гостиной.

— Конечно, он. Царствие ему небесное! — ответила Светлана и бросила взгляд в сторону маленького снимка в золотой рамке. На фотографии были запечатлена семейная пара. Она, роскошная блондинка Светлана и бледный морщинистый старичок с лысой головой и маленькими глазками.

— Значит, ты овдовела, — поняла Вера. Её настроение немного поднялось.

— Я бы сказала, освободилась. Мне и раньше жилось неплохо, но были еще тягостные супружеские обязанности. А теперь их нет...а деньги остались, — Светлана распрямила плечи и самодовольно усмехнулась.

Настроение Веры снова огнедышащей лавиной устремилось вниз.

Через пару дней Вера с сестрой продвигались в очереди на регистрацию рейса «Москва — Тель-Авив».

— Вам запрещен выезд за границу! Пройдите к служебному входу! — бесстрастно произнесла сотрудница аэропорта, пропустив Светлану и задержав документы Веры в руках.

— Это недоразумение! — закричала Вера, увидев растерянное лицо Светланы, удаляющееся от неё по коридору в пропускной зал для вылета. Но её уже вывели из очереди и сопроводили в дежурную часть.

— Вот постановление судебного пристава о запрете выезда из России! — дежурный сотрудник повернул экран компьютера и показал Вере документ. Ознакомившись с его содержанием, она поняла, чьих рук это дело.

Её сумасшедшая соседка, гражданка Мацукина Галина Степановна подала на нее иск в суд за строительство козырька над лоджией и каким-то способом его выиграла. Суд установил срок для исполнения, который давно истек.

Пристав Егоров В. В тут же написал постановление о наказании.

Ничего этого Вере известно не было.

Её компьютер давно сломали хулиганистые внуки. У почтового ящика на первом этаже уже лет пять были вырваны жестяные крышки. Подростки по вечерам развлекались тем,

что подбирали валяющиеся на полу подъезда бумаги и радостно поджигали их китайскими пластиковыми зажигалками.

* * *

Вера вернулась домой и слегла в лихорадочном состоянии.

Её то знобило, то кидало в сильный жар. Кружилась голова и тряслись руки. Врач, которую Герасим с трудом вызвал из поликлиники, осмотрела больную.

— Инсульта не вижу. Инфаркта нет. Понервничала женщина, пройдёт... Что вы хотите? Ей больше пятидесяти лет! Госпитализировать я её не могу. Некуда! В больнице идёт реорганизация. У нас все отделения забиты такими старушками! Инфарктников со скорой положить негде, — сказала молоденькая доктор, терапевт Кристина Ивановна Карнаухова, пришедшая по вызову.

— Но отчего у неё лицо так перекошило? И говорит она не так, как раньше... Может, всё же в больницу её? — в отчаянии спросил Герасим.

— У вас какое образование? — возмутилась Кристина Ивановна, взмахнув мохнатыми искусственными ресницами.

— Среднее... — потупился Герасим.

— Тогда не надо рассуждать о том, в чём вы не разбирае-

тесь! — чеканно ответила доктор Карнаухова. Она вынула из сумочки отрывной рекламный блокнот, написала на листке список лекарств и подала Герасиму.

— Следите за давлением! — добавила доктор и двинулась к выходу, стуча каблучками. Герасим с тоской посмотрел вслед танцующей походке длинных красивых ножек и тяжело вздохнул.

Назавтра он привёз из аптеки пакет с лекарствами. С трудом уговаривал жену выпить таблетки.

Она не могла проглотить таблетки целиком. Приходилось измельчать их и смешивать с водой в кашу.

Проглотив питьё, Вера снова закрывала глаза и засыпала. А может, не засыпала?

Герасим попытался дозвониться в поликлинику. Но телефон всё время был занят.

* * *

Через неделю он поехал в поликлинику сам. Выстоял огромную очередь в регистратуру.

— Терапевт Карнаухова в декрете. Ваш участок обслуживает доктор Петров. Могу записать вас на пятнадцатое число, — сказала девушка за стойкой регистратуры.

— Но это же через три недели! — воскликнул Герасим.

— Мужчина! Мне некогда перепираться с вами! Вас записывать или нет? — строго спросила девушка. Очередь за

спиной Герасима ожила и возмущенно заговорила разными раздражёнными голосами: сами не знают, чего хотят, а мы стой часами за талончиком, вот люди!

Оттеснённый толпой болящих и злых пациентов, Герасим вышел из поликлиники.

Он подумал о том, что у Веры есть родная сестра с медицинским образованием. Но вчера он предложил Вере позвонить Светлане и попросить её о помощи.

— Лучше сдохну! Ещё бы я не унижалась перед этой тварью! — выдавила из себя Вера.

— Она-то, что тебе сделала? За что ты так её ненавидишь? — спросил Герасим, не скрывая раздражения.

— Как за что? Присвоила материнские деньги! На мои звонки не отвечает! — брызнув слюной, со злостью прошепелявила Вера. Раньше она не шепелявила.

На следующий день речь Веры сделалась малопонятной. Герасим с трудом понимал, что она говорит. Когда переспрашивал, она злилась и кидала в него упаковки таблеток.

Через неделю ей стало хуже.

Она редко вставала с кровати, целыми днями лежала как неживая. Ни с кем не разговаривала, злилась, что её не понимают. Отказывалась есть, пила немного теплой кипяченой воды и стремительно угасала.

3

Енна сделала свои нехитрые домашние дела и наслаждалась покоем. Блаженная тишина, которая доступна только в деревне, розовым теплым облаком окутала комнату.

Какое-то время Енна стояла у окна и наблюдала за свирестелями, облепившими развесистый куст бузины. Их красивые хохолки трепетали на зимнем ветру.

Затем села на диван, с наслаждением открыла роман Генри Джеймса и окунулась в историческое пространство старой Англии с её вечными незыблемыми традициями.

Ей никогда не было скучно одной.

Её муж Янис прекрасно понимал стремление жены к уединению.

Он знал её с самого раннего детства. Его мать Анисья Александровна и Нинель Васильевна, мать Енны были двоюродными сестрами и всегда ладили друг с другом. Таким образом, Янис не только был наперсником детских игр Енны, но и приходился ей троюродным братом.

Когда Янису исполнилось двенадцать лет, его семья переехала в Минск на родину мужа Анисьи Александровны, Казимира Ружецкого. Там они купили частный дом с мезонином и садом.

С Енной он встретился спустя пять лет, когда она с родителями приезжала погостить у тетушки Анисьи.

Янис на всю жизнь запомнил этот момент...

Возле их калитки остановилось такси. Из машины вышла стройная сероглазая девушка. Светлые длинные до пояса волосы, развевающиеся на ветру. Девушка грациозно поправила волосы и огляделась вокруг. Она была фантастически прекрасной. Невероятное чудесное видение!

Янис испытал такой восторг, такой прилив эмоций, что не смог справиться с собой и упал в траву за сараем, обхватив руками голову. Он слышал голос матери, кричавшей его, но долгое время не выходил из своего укрытия.

Ему казалось, что если он посмотрит прямо в глаза этой такой знакомой, но в то же время совсем не знакомой девушке, его сердце разорвётся на мелкие части.

Ему всё же пришлось выйти к гостям и предстать перед тетушкой Нинель и Енной.

— Ян! Как ты вырос и возмужал! — воскликнула Нинель Васильевна.

За её спиной Янис видел заинтересованные глаза Енны. Она привычно поправила волну своих волос быстрым движением тонких изящных рук и отвернулась к окну.

За целый месяц Янис сказал Енне немного фраз.

Мать попросила его показать Енне город. Они медленно шли по солнечным улицам Минска.

— Ян, почему ты всё время молчишь? Расскажи, нравится ли тебе здесь жить? Не скучаешь ли ты о нашей Сибири? — спрашивала Енна.

Она смотрела на парня и с каждым днём находила в нём всё больше хорошего. Высокий рост, широкие плечи, большие темно-карие глаза, густые каштановые кудри, отливающие золотистыми блесками. Пожалуй, она бы влюбилась в своего троюродного брата, но в её представлении, влюбиться, означало, забыть о своих грандиозных планах.

В первую очередь Енна хотела получить высшее образование, а только после этого стремиться к созданию семьи. Она только что окончила фармацевтическое училище с отличием и была зачислена на первый курс медицинского института по льготной программе. В сентябре ей предстоит начать обучение.

Янис закончил среднюю школу с удовлетворительными отметками и собирался учиться на водителя тяжелой спецтехники. Это было его горячим желанием: управлять огромными машинами. Он хотел многое рассказать Енне, но рядом с ней ощущал себя неуклюжим, косноязычным и несуразным. Поэтому старался отвечать кратко и односложно.

— Но через год тебя возьмут в армию. В твоём училище нет права на отсрочку, — рассудительно сказала Енна.

— А я и хочу успеть выучиться, чтобы пойти в армию с водительскими правами, — гордо ответил Янис.

— А что ты собираешься делать, когда отслужишь? — с интересом спросила Енна.

— Еня, что за вопрос? Я собираюсь работать на экскаваторе, где же ещё? — удивленно ответил Янис.

Он не заметил, как густые бровки Енны разочарованно поднялись вверх. Ей было удивительно, что бывают люди, не мечтающие о высшем образовании и дальнейшей карьере.

Через месяц Нинель Васильевна с Енной, нагруженные тяжелыми сумками с фруктами, уехали в свою далекую Сибирь.

* * *

В 1990 году семья Ружецких вернулась в Россию. Отношения Анисьи и Казимира испортились окончательно после того, как Казимир стал тайком встречаться со своей коллегой Вандой. Девушка была младше его на двадцать пять лет. Казимиру казалось, что эта невинная интрижка не имеет никакого отношения к его любви к жене. Стареющему ловеласу хотелось продлить иллюзию молодости. Зато принципиальная Анисья так не считала. Узнав об измене мужа, она немедленно развелась с ним и уехала на родину.

Они с сыном поселились в одном из коттеджных поселков возле Иркутска, купив недостроенный дом. К тому времени Янис женился, у него родилась дочь Анастасия. Его жена Валентина работала нянечкой в детском саду.

Несколько раз Енна с матерью приезжала в гости к Ружецким. Однако заметила некоторую напряженность со стороны Валентины, внимательно наблюдавшей за ней из-под тяжелых отекавших век.

Ссылаясь на семейные проблемы, Енна перестала ездить к Ружецким.

Вскоре она сама вышла замуж, родила сына и знала о жизни Ружецких только от матери, которая исправно навещала свою любимую сестру.

С появлением социальных сетей Енна добавила Яниса в список онлайн — друзей. Они отправляли друг другу открытки с праздничными поздравлениями, на этом их общение заканчивалось.

* * *

Спустя пять лет брак Енны со стоматологом Игорем Вагаиным, обещавший быть таким блестящим и образцовым, разрушился.

Они познакомились на одной из студенческих вечеринок в общежитии. Игорь, один из самых красивых парней в медицинском институте, просто не мог пройти мимо внимания Енны, так ценившей красоту. Их роман в самом его начале был ослепительным и вызывал зависть окружающих.

Тоненькая, как тростинка Енна и высокий могучий Игорь повсюду ходили, держась за руки.

Когда Игорь, артистически встав на одно колено, сделал Енне предложение, она была счастлива. Её даже не смутило, что Игорь выбрал местом для предложения площадку перед общежитием. Так что их объяснение происходило под

окнами любопытных студентов-медиков, бурно аплодирующих им.

Вскоре Енна заметила, что все действия Игоря напоминают спектакль, заранее отрежисированный и продуманный до минуты.

Он мог зайти в комнату Енны ранним утром, когда она еще спала и небрежным движением бросить ей на кровать букет красных роз. Чувствительные соседки по комнате всхлипывали от умиления. Убедившись в степени своего воздействия на зрителей, Игорь важно удалялся.

Енна не была человеком, склонным к аффектации, её напрягала такая театральность жестов жениха.

— Зачем афишировать наши отношения? Если ты любишь меня, мне достаточно твоих слов, сказанных наедине. Я не нуждаюсь в посторонних подтверждениях, — говорила Енна своему жениху.

— А мне хочется на весь мир кричать о своей любви! Я такой! — отвечал горделивый Игорь.

Енна относилась к людям, утверждавшим, что счастье любит тишину. Она не любила проявление аффектации и экзальтации. Однако отнесла поведение любимого к невероятной силе чувств к ней, о которой каждый день вдохновенно толковал Игорь.

Она сама всё глубже погружалась в любовный накал, охвативший её с головы до ног. Один взгляд горящих страстью глаз Игоря воспламенял её тело и заставлял трепетать от сча-

стью.

Конечно, до её ушей доходили слухи о некоторой порочности Игоря, в частности, о его увлечении спиртным. Но на свидания к любимой Игорь приходил трезвым и благоухающим приятными ароматами парфюма.

Кроме того, Енна была настолько самоуверенна, что полагала, что если даже у её жениха и имелись какие-то недостатки, то уж она легко с ними справится.

* * *

Спустя год после знакомства, перед самым выпуском из института, они поженились. Свадьба была запоминающейся и стоила родителям Игоря немалых денег. К слову сказать, родители Игоря были людьми состоятельными.

Леонид Антонович Ватагин руководил крупным строительным трестом, а Василиса Павловна возглавляла стоматологическую поликлинику в центре города. Они довольно снисходительно отнеслись к невестке, родня которой была не в состоянии внести свой вклад в свадебные расходы. Мать Енны, Нинель Васильевна работала рядовым сотрудником краеведческого музея и едва сводила концы с концами. Бориса Николаевича, отца Енны не было в живых.

Он трагически погиб во время междугородней поездки на служебном автобусе.

Как только отгремела свадебная музыка, Енна стала ви-

деть в своём молодом муже черты, которые её неприятно удивили.

Периодически он возвращался с работы в таком состоянии, что едва мог выговорить пару слов. Однако утром он вполне внятно объяснял жене, что был вынужден поддерживать компанию очень-очень нужных для его бизнеса людей.

Вскоре Игорь получил повышение по службе и стал руководить новым стоматологическим центром. Они съехали от родителей Игоря и стали жить в отдельной двухкомнатной квартире, которую Игорю выделили в администрации города.

Енна с облегчением вздохнула, заметив, что муж возвращается с работы, хотя и очень поздно, но в трезвом виде.

Однажды она вернулась из служебной командировки по району раньше планируемого срока и застала в доме весёлую компанию, состоящую из её мужа и двух длинноногих девиц. Одна из девиц сидела на коленях у Игоря и целовала его в шею, причем Игорь хохотал и хватал девицу за грудь. Енна онемела от вида открывшейся перед ней картины.

Увидев хозяйку дома, девицы с недовольным видом собрались и ушли, не выказав, впрочем, никакой стыдливости. А Игорь свалился на пол и спокойно заснул.

Увиденная картина настолько потрясла Енну, что она в тот же вечер собрала свои вещи и уехала к своей единственной подруге, Юле Гардиани.

С Юлей Енна училась в одном классе, сидела за одной партой и спустя много лет после окончания школы подруги доверяли друг другу самые сокровенные тайны. Юля жила одна в трехкомнатной квартире на улице Волжской. Квартира досталась ей от родителей, эмигрировавших в Грузию.

Увидев на пороге заплаканную Енну, Юля без разговоров напоила её успокаивающими каплями и уложила спать.

— Если тебе интересно моё мнение, тебе надо бежать от Ватагина. Бежать немедленно! — сказала Юля на следующий день, когда Енна смогла рассказать ей о случившемся.

— Завтра я подам заявление на развод! — решительно ответила Енна.

Но по дороге на работу она встретила Игоря с огромным букетом белоснежных роз, увидела слёзы, стоящие в его глазах и... Заранее написанное заявление о разводе в скомканном виде полетело в мусорную корзину. Слишком сильно любила Енна своего мужа, чтобы не простить ему измену.

— Ну, что ж... Приготовься к терпению и смирению, подруга. Ты сама выбрала свой путь, — произнесла Юля, когда Енна с вещами прощалась с ней.

— Ты не знаешь Игоря. Я верю, что он искренен в своем раскаянии. У нас всё будет хорошо, — радостно ответила Енна.

Спустя некоторое время безмятежной супружеской жизни она позвонила Юле.

— Удивлена твоему звонку. После того, что я узнала о твоём настоящем отношении ко мне, думаю, что нам лучше прекратить общение, — резко сказала в трубку Юля.

— Ты обижена потому, что я так долго тебе не звонила? Выдался такой сложный месяц в моей жизни. Если я все тебе расскажу, ты поймешь, — стала оправдываться Енна.

— Не трудись. Мы больше не будем откровенничать друг с другом, — ответила Юля и бросила трубку.

Енна была озадачена. Что случилось? Почему Юля не хочет с ней общаться?

Она была очень расстроена. Ей понадобилось привести в порядок свои мысли.

Рука самопроизвольно потянулась к нижнему ящику письменного стола, где под стопкой книг был спрятан её дневник. Но дневника там не оказалось. Енна начала лихорадочно перебирать книги и папки. Но безуспешно.

Вечером она решила дождаться мужа с работы. Он предупредил её, что вернется поздно, поскольку приехала министерская проверка и ему придётся организовать парадный ужин в ресторане. Енна хорошо понимала служебные проблемы Игоря. Она обычно спокойно засыпала одна, но вне-

запное исчезновение дневника, резкий тон подруги встревожил её.

Игорь вернулся под утро в прекрасном настроении.

— О, моя милая Енька! Я же предупредил тебя! Ты почему не спишь? — удивился он при виде жены.

— Игорь, что ты сказал Юле? — спросила Енна.

— Что сработало? Сработало! — вдруг захохотал Игорь.

Снял пиджак и весело кинул его в комнату. После чего, напевая под нос песенку, скрылся в ванной комнате.

Когда он вышел, выбритый, посвежевший, в махровом халате на голом теле, он схватил Енну и бросил её на диван.

— Енька, забудь про свою Юльку! Я и не ожидал, что она так быстро поведётся на мою информацию! Дура она, твоя Юлька! И чего стоит ваша многолетняя дружба, если было достаточно пары фраз, чтобы она разлетелась вдребезги, а? Да и не нужна тебе никакая подружка! Иди ко мне! Ведь у тебя есть я! — весело сказал Игорь, пытаясь раздеть Енну. Она вырвалась из его объятий и ударила мужа по щеке.

— Идиотка! — Игорь толкнул жену в сторону. Енна упала и ударилась об угол шкафа. Она почувствовала боль в плече и на затылке. Проведя рукой по волосам, она увидела на пальцах кровь. Ошеломлённая, она неподвижно сидела на полу.

Через час она, нагруженная сумками с вещами, приехала к матери. Ей очень не хотелось беспокоить мать. Она знала, что та страдает хронической сердечной недостаточностью, но ехать больше было некуда.

Нинель Васильевна, от которой дочь тщательно скрывала свои семейные проблемы, была в сильном потрясении. К тому же Енна призналась матери, что беременна на раннем сроке.

Она решила сохранить ребёнка и перевелась на работу, не связанную с длительными поездками по области.

Вскоре Игорь приехал к ней на работу и стал умолять вернуться. Он каялся в своих поступках, рыдал перед Енной прямо в фойе аптеки, где она работала. Снова это напоминало какую-то мелодраму, разыгранную перед её коллегами.

В конце концов Енна решила, что не вправе лишать своего будущего ребёнка отца.

Она была ответственным человеком и рассуждала без жалости к себе. Её никто не nevoлил выходить замуж, она сделала свой выбор в здравом рассудке. Стало быть, ей и нести все последствия своих действий. Разве она вправе заставлять страдать свою больную мать, которая вместо спокойной старости вынуждена переносить сцены, которые Игорь разыгрывал в её присутствии? Коли вышла она замуж за порочно-

го человека, то должна испить свою горькую чашу до дна, решила Енна.

Она вернулась в квартиру мужа.

Они довольно спокойно прожили до рождения сына Никанора. Игорь бережно относился к ней, сопровождал в поликлинику и гулял по вечерам, поддерживая жену под руку. Знакомые, встретившиеся по пути, провожали молодую пару умиленными улыбками.

Енна заставила себя забыть о тех неприятных событиях, связанных с грубостью Игоря. У неё затеплилась надежда, что такое не повторится. Всю беременность она запрещала себе думать о чем-либо негативном. Читала любовные романы, смотрела веселые фильмы и любовалась репродукциями картин в огромном глянцево альбоме, подаренном Игорем.

Игорь встречал Енну с новорожденным шумной компанией родственников и друзей, огромным букетом белых роз, морем шампанского и обилием подарков для сотрудников роддома. Из окон на это торжество смотрели роженицы, потрясённые щедростью молодого отца.

Под фанфары, в веренице автомобилей, украшенных цветами, Енна с младенцем приехали домой.

Но вместо домашнего покоя, необходимого матери с ребёнком, Енна была вынуждена терпеть бесконечное застолье, длившееся до поздней ночи.

Родственники, знакомые, коллеги заходили к ним домой в разное время. Игорь, который взял короткий отпуск, усажи-

вал их за стол и угощал хмельными напитками, льющимися рекой. Громкая музыка, крики, смех. Маленький Никанор вздрагивал и плакал.

* * *

В одну из ночей, когда веселое и громкое застолье никак не прекращалось, Енна не выдержала, вышла из детской и потребовала, чтобы гости расходились по домам.

— Ты с ума сошла? В своём доме я не могу принять своих друзей, которые пришли поздравить меня с рождением наследника? — разъярённый Игорь схватил её за руку, вытащил в коридор и запер в детской комнате.

Енна в слезах сидела возле колыбельки Никанора и рассматривала синяки на руках. Она могла бы вынести эти унижения сама, но, похоже, теперь уже её ребёнок начинает вплетаться в эту жуткую сеть.

Когда пьяная компания разошлась, Игорь уснул, захрапев. Она осторожно оделась, запеленала сына и вызвала такси.

Когда такси подошло к подъезду, Енна взяла ребёнка, небольшую сумку с вещами и двинулась к выходу.

У входной двери её ждал Игорь. В руках у него была охотничья двухствольная винтовка. Он злорадно усмехнулся, навел ствол прямо в грудь Енны.

— Попробуй только двинуться с места! Убью! — зло сказал Игорь, глядя на Енну сквозь металлическое коль-

цо прицела. Енна чуть наклонила голову и увидела, что ствол оружия находится в нескольких сантиметрах от головки крошечного Никанора, заснувшего на её груди. Женщина вздрогнула и оцепенела от страха.

— Игорь, пожалуйста, успокойся. Я никуда не еду, — пролепетала Енна онемевшими губами, едва сдерживая дрожь.

— Никогда не выводите меня из себя, — спокойно ответил Игорь, пряча ружьё в сейф.

Убедившись, что таксист уехал, а Енна разделась и уложила сына в кроватку, Игорь рывком упал на диван и захрапел.

Под утро Енна выскочила в подъезд к соседке Даше, с которой вместе работала и вызвала милицию.

* * *

— Как вы достали меня, бабы-дуры! Сейчас ты говоришь одно, а завтра побежишь забирать заявление! И выходит, что мы тут зря на вас тратим время, а там где-нибудь человека убивают и мы не успеем поймать убийцу! — орал на неё лейтенант Ашарин, составлявший протокол.

Сам Игорь, вовремя понявший, что это за ним приехала милицейская машина с вооружёнными ребятами, успел сбежать из дома.

— Нет, я не заберу заявление, — твёрдо сказала Енна, наблюдая, как милиционеры изымают винтовку из сейфа. В тот же день она уехала с сыном к матери.

— Боже мой! Вот тебе и образованный и красивый! — охнула Нинель Васильевна, узнав о происшедшем.

— Мама, что мне делать? Куда мне деваться от него? Я не уверена, что он скоро не появится здесь. Милиция пока не нашла его, — спрашивала измученная Енна. Мать позволила сестре.

Через час за Енной приехал Янис и увёз её в их дом. По дороге он не задал ей ни одного вопроса, чем вызвал у Енны прилив благодарности.

Когда они подъехали к дому Ружецких и вышли из машины, Енна подошла к Янису и заплакала у него на груди. Мужчина бережно прижал её к себе.

Они не заметили, как из окна за ними наблюдала Валентина, которая нервно, до боли сжимала свои пальцы.

* * *

У Ружецких Енна успокоилась. Снова появилось молоко в груди, которое внезапно пропало после той страшной ночи. Искусственные смеси Ник не принимал. Целыми ночами голодный ребенок плакал до изнеможения.

Но спокойный быт, безопасность и терпеливая любовь близких сделали свое доброе дело.

Сейчас Енна вновь кормила Ника грудью, испытывая радостное чувство облегчения.

Тетушка Анисья отвела ей самую светлую комнату и ве-

лела сидеть дома.

— Пока его ищут, ты из дома носа не показывай! Все принесем, привезем сами! Сюда он не рискнёт сунуться! Это он такой храбрый перед женщиной. Пакостлив и труслив, как заяц! Уж я-то знаю, все трусы такие! — сказала Анистья Александровна.

Она была права.

Спустя неделю возле калитки дома остановилась служебная «Волга». Из неё вышла высокая представительная женщина с властным красивым лицом, одетая в серый китель. На её голове словно символ высокого положения высилась сложная прическа, напоминающая корону.

Это была Екатерина Матвеевна Прокопьева, старший помощник прокурора области. Она представилась, показала своё удостоверение и вежливо попросила оставить её наедине с Енной.

Из разговора Енна поняла, что Игорю угрожает уголовное дело по статье «Угроза убийством». Кроме того, у него не было специального разрешения на хранение огнестрельного оружия. Она передает слёзную просьбу, обращенную к жене. Игорь согласен выполнить любые условия Енны в обмен на её обещание забрать заявление из милиции.

— Я не верю ему! — ответила Енна.

— Поскольку я, рискуя своим служебным положением, приехала к вам просить от имени Игоря Леонидовича, то я лично беру на себя роль посредника и буду контролировать

выполнение ваших условий, — произнесла Екатерина Матвеевна.

— Я хочу развестись с Ватагиным и больше никогда не видеть его рядом с собой и моим сыном, — подумав, ответила Енна.

— Это всё? — удивилась Екатерина Матвеевна. Она была уверена, что Енна запросит денежную компенсацию. Игорь просил торговаться, если будет запрошено больше пяти тысяч рублей. На эту сумму можно купить неплохой дом в пригороде Иркутска.

— Всё! — твердо обрезала Енна.

Екатерина Матвеевна с минуту с интересом смотрела на молодую женщину, не пожелавшую воспользоваться редким случаем получить крупную сумму денег.

Потом медленно встала со стула и покинула дом.

* * *

Вскоре Енна получила извещение о разводе, удивившись, что её даже не приглашали в суд.

Прошло два года.

Она ни разу не видела своего бывшего мужа и никогда не получала от него каких-либо известий. Екатерина Матвеевна сдержала своё обещание.

— Теперь я поняла, кто увёл у тебя Игорька! Я видела его на презентации новой гостиницы. Он был там с этой толстой

Катькой. Думаю, она старше его лет на десять. В толпе шептались, что она вытащила его из какой-то неприятной истории. Ты что-нибудь знаешь об этом? — спросила как-то Галина Ильина, коллега по отделу.

Енна пожалала плечами. Ей больше всего не хотелось выплескивать свои семейные проблемы на суд зрителей. Кроме того, тот представительный образ, который Игорь Леонидович Ватагин демонстрировал внешнему миру, был так убедителен. Кто поверит, что этот солидный мужчина в белоснежной рубашке, с такими приятными манерами и ласковым взором, способен на подлые поступки?

— Ты не расстраивайся! Может, это и к лучшему. Всё же удержать такого мужика, как твой Ватагин, непросто. На это ушла бы вся твоя жизнь, — философски продолжила Галина, поняв, что ничего интересного от Енны она не услышит.

— Да, ты права. Моя жизнь пригодится мне самой. Кстати, Ватагин — давно не мой, — уклончиво ответила Енна.

От общих знакомых она слышала, что успешный предприниматель Игорь Ватагин страдает периодическими запоями. Его вторая жена вызывает специализированную службу на дом, где с помощью капельниц и медицинских процедур возвращают Игоря в первоначальное состояние.

Но состояние бывшего мужа перестало беспокоить Енну. Она, словно отмершую некрозную ткань, отрезала от себя ту часть жизни, в которой существовал мужчина по имени Игорь.

После развода Енну снова пригласили на прежнее место работы в Управление здравоохранения. За Никифором следовала Нинель Васильевна, а сама Енна целыми днями работала, ездила в дальние командировки. На визиты и общение с приятельницами не оставалось сил.

— Еня, милая! Живешь, как в затворе. Ничего кроме работы и дома не видишь. Тебе надо бывать на людях. Ты еще молода, возможно, встретишь желанного мужчину и полюбишь его, — советовала Нинель Васильевна, всматриваясь в бледное лицо дочери.

— Мама, я так устала от этих любовных страстей, что слышать больше не хочу про мужчин. Меня бросает в озноб при разговорах с ними. Мне хорошо с тобой и Ником, — вяло ответила Енна.

— Ничего, ничего. Всё у тебя ещё будет. Когда-то на месте цветущих оазисов тоже лежали зыбучие пески, — говорила Нинель Васильевна и гладила дочь по светлым, туго заколотым в строгий пучок, волосам.

* * *

С Янисом они увиделись только на похоронах Нинель Васильевны. Мать Енны скончалась от внезапного сердечного приступа.

Статный высокий Янис выделялся на фоне толпы знакомых и родственников, приехавших на кладбище. Он поддер-

живал Анисью Александровну под руку.

Янис почти не подходил к Енне, но его выразительный взгляд, полный искреннего сочувствия, согревал Енну в её безмерной печали по ушедшей матери.

— Как ты живешь, Янек? Ведь я почти ничего не знаю о твоей жизни. К сожалению... — спросила Енна спустя несколько дней после похорон. Анисья Александровна с сыном остались в доме Енны, чтобы поддержать её и помочь с поминками.

— Живу помаленьку. Устроился работать на новый экскаватор. Зарплату обещали большую. Может, наконец, закончу стройку, — ответил Янис. Это был уже другой человек. Уверенный в себе, спокойный, внушающий доверие мужчина. Ничего не осталось от того стеснительного мальчишки, которого знала Енна.

— Как твоя семья? — осторожно спросила Енна. Она спросила и вдруг покраснела от неловкости, почувствовав, что Янис очень интересуется её.

— Я один. Валентина уехала от меня. Они с дочкой живут в Минске. Пытаюсь написать Асе, но Валентина блокирует меня по всем адресам. Она сказала, что живет с другим мужем, который будет настоящим отцом Асе, — ответил с неохотой Янис.

— Боже мой! Чего же не хватало твоей Валентине? Я помню, с какой любовью ты относился к дочери, — с возмущением сказала Енна.

— А кто вас, женщин поймет? Я в то время по вахтам ездил, старался больше заработать, а она переписывалась с давним своим другом из Минска. Этот друг — владелец рынка. Он приехал в Иркутск, Валентина встретилась с ним. Пока я был на вахте, она собрала дочь и улетела с новым кавалером. Вот и вся история. Валентина не хочет, чтобы дочка знала про её измену. Сочинила другую легенду про то, что я, подлый негодяй, бросил её, — ответил Янис.

— Как прозаично. Выходит, Валентина пилила тебя из-за денег. А когда ты стал зарабатывать, она начала пилить тебя, потому что тебя нет дома. Странная женщина, — отозвалась Енна.

— Думаю, она просто не любила меня. А я не любил её. Всё остальное вытекает из этого, — Янис отвернулся в сторону и голос его дрогнул.

— Тогда зачем ты женился, если не любил её? — тихо спросила Енна.

— Мать заставила. Мы как-то на дне рождения общего знакомого раз переспали с Вале́й. Пьяный я тогда был, плохо помню, почему мы оказались в одной постели. Друзья посмеялись надо мной, рассказали, что Валентина принесла бутылку водки из дома, весь вечер сидела возле меня и часто наливала мне в рюмку, может, что добавила в водку. Посмеялись и забыли. А через месяц Валентина пришла к матери и заявила, что беременна. Пришлось расписаться, я никакой свадьбы не хотел, — рассказал Янис.

— Не переживай. Ты еще встретишь хорошую женщину и создашь новую семью, — сказала Енна, желая поддержать мужчину.

— А если я уже давно её встретил? — тихо спросил Янис.

— Вот и отлично! Я рада за тебя! — вдохновенно ответила Енна.

— Значит, ты согласна? — с замиранием сердца спросил Янис.

— На что? — Енна внимательно посмотрела в темно-карие глаза, с волнением догадываясь, какими будут его следующие слова.

— Выйдешь за меня, Еня? Я сохну по тебе с семнадцати лет. Когда вы с теткой Нинель к нам приезжали в Ташкент, помнишь? Я чуть не умер, когда твой самолет поднялся в воздух. Меня мать целый год по бабкам водила, отворачивала от тебя. Да, вот не от-ворожила, — на одном дыхании проговорил Янис.

— Янек, сынок, кричу тебя, ты не отзываешься! Там в бане вода перестала поступать! Посмотрел бы насосы! — раздался в этот момент громкий голос Анисьи Александровны.

Янис вздохнул и ушёл в баню.

— Соглашайся, девка! Видит Бог, я всё, что могла сделала, чтобы разлучить вас. Да, видно, судьба снова свела вас. У батюшки в церкви узнавала, троюродным можно вступать в брак, — Анисья обняла Енну, смахнула слёзы со щек и пошла в дом.

— Тётя Ася! А почему вы так хотели разлучить нас? Я вам чем-то не нравлюсь? — крикнула ей вслед Енна.

— Я люблю тебя, Еня, как родную. Но уж больно вы разные. Ты вверх, он — вниз, — ответила Анисья.

* * *

С тех пор прошло больше двадцати лет.

Отношения Енны и Яниса с годами только окрепли. Если Янис страстно любил жену, то чувства Енны больше походили на ответную благодарность. Впервые в жизни Енна почувствовала, что значит, быть замужем. За мужем, в буквальном смысле этих слов.

Она успокоилась, согрелась и стала ровнее дышать. В любых сложных ситуациях рядом с ней было верное крепкое плечо Яниса, к которому она припадала и получала благословенный душевный покой.

Она оценила верность и покладистость мужа, готового на многое, чтобы она была довольна. Разница в уровне образования, ранее так смущавшая Енну, не мешала им.

В зрелом возрасте Енна уже не так трепетно относилась к своей карьере, поняв, что в жизни есть более важные вещи. У них с Янисом было общее детство, общие родственники, общие воспоминания.

Анисья Александровна до самой кончины жила вместе с ними. Она своими чертами и привычками напоминала Енне

покойную мать, поэтому она заботилась о своей тетушке и свекрови со всем жаром своего сердца.

В одной из длительных командировок по области Енну поселили в местном санатории.

Светлая уютная комната с цветочными горшками на подоконнике, с занавесками в деревенском стиле очень понравилась ей. На деревянной полке, выкрашенной в яркий голубой цвет, стояло несколько книг.

Перед сном Енна очень любила почитать. Она взяла наугад одну из книг и углубилась в содержание. В центре повествования говорилось об истории одной героини. Енна вздрогнула, прочитав один из абзацев.

Слишком история героини напоминала её личную. Енна взглянула на обложку и замерла. Юлия Гард. Так звали писательницу. Несомненно, это была её давняя подруга Юля Гардиани. Ещё в юности она подписывала свои открытки таким псевдонимом.

Конечно, героиня книги звалась не Енной, а Анной.

Анна проживала в некоем придуманном городе на юге России. Но было описано столько деталей, что Енна была уверена, что Юля пишет о ней.

Через пару месяцев Енна увидела объявление в местной газете и пришла на презентацию новой книги известной романистки.

Юля сидела на сцене, окруженная поклонниками её творчества. Такая же худенькая, темные волосы коротко острижены, мягкой волнистой волной окружают высокий чистый лоб. В коричневых глазах легкая грустинка.

У Енны сжалось сердце.

Как бы она хотела, чтобы вернулось то время, когда она могла в любое время суток нагрянуть к подруге домой и посидеть с ней за бокалом красного вина. Когда можно вволю наплакаться и высказать всё, что печалило и беспокоило.

Писательнице задавали разные вопросы, просили оставить авторский автограф на купленных в фойе зала, книгах.

Енна дождалась, когда Юля останется одна и подошла к ней.

— Литературная месть. Так это, кажется, называется? — тихо спросила Енна, держа в руках одну из книг Юлии.

— Привет, Еня! Как ни странно, рада тебя видеть. Нет никакой мести. Если ты внимательно читала, то я пишу о своей героине с любовью. Она не носит твоё имя и фамилию. О том, что речь идёт о тебе, знаем только мы с тобой. А ты, заметь, обсуждала со своим мужем подробности моей личной

жизни и вы смеялись над моими неприятностями. Это, согласись, другое дело. Довольно не красиво с твоей стороны, если учесть, что я откровенно тебе рассказывала о себе, веря в твою порядочность. Я, разумеется, знала, что ты любишь своего мужа, но представить, что ты обсуждаешь с ним всё без исключения, не ожидала. Ну, это дело прошлое, Бог тебе судья! — сухо ответила Юля и встала из-за стола.

— Юля, стой. Может, мы никогда больше не встретимся, поэтому хочу, чтобы ты знала. Игорь выкрал тогда мой дневник и прочитал. Я никогда не обсуждала с ним тебя и тем более, никогда не смеялась с ним над тобой. Прости меня за то, что так случилось, — Енна взяла подругу за руку.

— Но ты же продолжаешь быть Ватагиной? Значит, тебя устраивает твоя жизнь, лишённая тайн от мужа? — спросила Юля.

— Нет. Я давно развелась с Игорем, — ответила Енна, глядя в глаза Юле.

— Мне очень жаль, — Юля убрала руку и спустилась со сцены.

Енна с горечью смотрела ей вслед. У неё не было другой такой подруги.

* * *

Встреча с Енной взволновала Юлию. Она из всех сил пыталась изобразить равнодушие перед бывшей подругой.

Но войдя в свой гостиничный номер, не сдержалась и расплакалась.

Эта боль по разрушенной дружбе напоминала фантомную. Дружбы давно нет, а боль осталась.

Юлия вымыла растекшуюся косметику тёплой водой с мылом, медленно промокнула кожу мягким полотенцем.

Она хорошо помнила тот день, когда пришла в шестой класс новой школы.

Янина, её мать, не хотела, чтобы дочь продолжала учиться в гимназии, где раньше работала её бывшая свекровь Софья Силантьевна, и где позже учился её бывший муж Кирилл. Там были платные секции по художественному чтению и театральные кружки, которые Юля посещала с первого класса.

По мнению Янины, платить за все это было все равно, что выбросить деньги на ветер.

Поэтому, невзирая на протесты Юли, перевела её в простую среднюю школу рядом с домом.

Новый класс встретил Юлю молчаливой неприязнью.

— Что, богатенького папашу посадили? — ехидно протянул мальчик с соседней парты. Остальные весело засмеялись. Не смеялась её соседка по парте, светловолосая девочка с длинными косичками, убранными корзинкой.

— Заткнись, Рукоусев! — сказала она насмешнику и показала кулак.

— Шульгина! Перестань разговаривать! — одёрнула её классный руководитель Галина Модестовна.

Юля открыла тетрадь и начала писать задание. Но как на-
зло, шариковая авторучка перестала писать.

Перед ней на страничку тетради положили новенький
стержень.

— Спасибо, — прошептала Юля. Быстро заправила стер-
жень в ручку и стала писать.

* * *

Из школы Юля с Енной возвращались вместе.

Они медленно шли по улице и разговаривали.

— Мы к тебе идем? — спросила Енна, увидев, что Юля
остановилась у своего подъезда.

— Понимаешь...мама ремонт устроила... — замявшись
ответила Юля и залилась краской от того, что соврала новой
подруге. На самом деле никакого ремонта не было. Юля зна-
ла, что дома сейчас отчим Панкрат. Он наверняка ходит в од-
них трусах, распространяя вокруг себя невыносимую вонь.

— А, ну ладно. Пошли ко мне! Мама вчера настряпала
пирожков с вишней! — сказала Енна, и девочки повернули
на другую улицу.

У Шульгиных в квартире было просто и уютно. На пол-
ках множество книг. Нинель Васильевна работала в книж-
ном магазине и старалась купить дефицитные по тому вре-
мени книги для дочери. У Юли загорелись глаза, когда она
увидела на полках полные собрания сочинений Жюль Вер-

на, Конан-Дойля, Пушкина. Здесь были исторические романы английских и французских авторов, которых не было даже в городской библиотеке.

Отец Енны Борис Николаевич преподавал физику и математику в лицее. Худощавый мужчина небольшого роста, в темных очках и ироничной речью.

У Енны была отдельная комната, заполненная куклами и плюшевыми игрушками. На стеллаже стояли шкатулки с монетами разных лет и стран. Борис Николаевич в юности коллекционировал монеты и передал свои сокровища дочери в надежде, что она продолжит собирательство. Енна знала историю каждой монеты и воодушевленно рассказывала подруге.

Юля не замечала, как быстро течет время, когда находилась в доме у Енны. Там ей очень нравилось.

В этом доме никто не сквернословил и никогда не повышал голос. Если Нинель Васильевна и Борис Николаевич были дома, они разговаривали между собой спокойно и тихо.

Обычно Борис Николаевич сидел перед телевизором в большом мягком кресле. Нинель Васильевна сидела на диване и что-нибудь вязала. Ее манера одеваться, интонации и тембр голоса напоминал Юле о любимой бабушке Софье Силантьевне.

— Ты можешь брать книги и читать их дома, — разрешила Енна, заметив, как заинтересованно устремлен взгляд Юли на книжные полки.

С первого дня они стали неразлучными подругами.

Даже когда поступили в разные институты, всё равно встречались почти ежедневно.

Когда Енна стала студенткой Иркутского медицинского института, ее родители решили переехать поближе к дочери. Они продали квартиру в Малозерске и купили дом в пригороде Иркутска.

Там Юля бывала часто. Зимой подруги сидели у костра и болтали о своих девичьих делах. Летом пили чай в беседке и загорали на лужайке перед домом.

Енна стала такой же неотъемлемой частью Юлиной жизни, как родители. Впрочем, отношения с Енной были теснее, чем с родителями.

Юля не могла рассказать матери многое из того, чем делилась с подругой.

С отцом, живущим в Санкт-Петербурге, она виделась редко.

Без преувеличения можно сказать, что Енна отныне занимала в жизни Юли первое место. Они были словно две сестры. Несмотря на разные темпераменты.

Юля была категорична и готова отстаивать свои интересы с горячностью бойца. В старших классах она активно занималась общественной работой, издавала стенгазету и ездила на различные конкурсы. Ее карие глаза блестели, когда она читала свои стихи на школьных концертах или призывала одноклассников вступить в очередное социалистическое

соревнование. В десятом классе Юлю избрали секретарем школьной комсомольской организации. Ее портрет висел на школьной доске почета. Юля отличалась эмоциональностью и была импульсивна в своих порывах. Она с восторгом рассказывала подруге о своих поездках на различные пленумы и конференции, где обязательно выступала на трибуне с пламенной речью.

Енна была более спокойна и рассудительна. Она тоже любила читать, сочиняла стихи, однако публичных выступлений избегала. В отличие от стихов Юли, насыщенных патриотизмом, стихи Енны были лиричны по содержанию. Общественная работа ее не интересовала. Под разными предлогами она уклонялась от участия в массовых школьных мероприятиях и часто была углублена в себя.

Но вместе с тем Юле ни с кем не было так интересно, как с Енной.

Представить, что может случиться что-то такое, что разрушит их отношения, было не возможно.

Но случилось...

Юля с горечью вздохнула, вспомнив о том прекрасном времени, когда Енна была рядом.

В жизни Юли и теперь происходили разные ситуации, когда она порывалась взять телефон и как раньше сказать в трубку: «Слушай, Енька, я приеду сейчас и такое расскажу!» или «Енька, быстро гони ко мне! Я снова погорячилась. Мне нужен твой совет!»

Снова и снова Юля с горечью вспоминала тот день, когда к ней на работу пришёл Игорь Ватагин...

Она тогда работала помощником редактора местной газеты «Северный вестник». В тот день она просматривала новые заметки для выпуска следующего номера.

— Если хочешь эксклюзивные новости, напечатай вот это! — Игорь не спеша сел на стул, стоящий напротив рабочего стола Юли и положил перед ней несколько исписанных листков бумаги. Это были копии чьей-то рукописи. Юля привычным жестом надела очки и стала читать.

— Откуда это у тебя? — побледнев, спросила Юля, медленно снимая очки.

— Енька дала почитать. Попросила моего совета, где лучше опубликовать статью. Нет, если тебе это не интересно, я могу предложить это в «Вечерние огни». Там наверняка заинтересуются, — ответил Игорь и покрутил авторучкой перед носом Юли.

— Тебе от меня что-то надо? — догадалась Юля.

— Что ты, милая! Что с тебя взять? Просто пожалел тебя, наивную и доверчивую дурочку. Ты же всегда считала Еньку подругой, да? — Игорь встал из-за стола, усмехнулся и вышел из кабинета.

Янина Забродина родила Юлю, когда ей исполнилось шестнадцать лет. Школу пришлось бросить. Впрочем, этот факт Янину не расстроил.

Мать Янины, Глафира Яковлевна быстро выпытала у дочери, кто является отцом будущего ребёнка. Собственно, особенно ей выпытывать не пришлось.

На их улице каждый знал, что не по годам развитая Янка, как собачонка бежит следом за Кириллом Гардиани. Он давно окончил школу, учился в Иркутской сельскохозяйственной академии и приезжал в Малозерск только на каникулы.

Худошавый черноволосый Кирилл Гардиани не значился в списках молодых донжуанов. Обыкновенная внешность, вечные очки на носу и смешная походка человека, что-то сосредоточенно ищущего под ногами. Парень был стеснительным, вежливым и извинялся при каждом слове. Скорее Кирилла можно было отнести к тем, кого снисходительно именуют «ботаниками». Что в нём нашла дерзкая девица с яркой внешностью и полным отсутствием признаков правильного воспитания, для всех явилось загадкой.

Тем не менее, активные действия Глафиры Яковлевны не остались без результата. Кирилла взяли под белые ручки и повели в ЗАГС, где краснея от стыда, он был вынужден ответить: «да» на вопрос: является ли его решение вступить в

законный брак добровольно.

Ещё бы он ответил по-другому.

Сзади, воинственно сложив руки на груди, стояла его новоиспечённая тёща Глафира Яковлевна, угрожавшая посадить его за совращение несовершеннолетней.

А чуть подальше, в слезах стояли поникшие родители Кирилла: Нина Осиповна и Георгий Петрович Гардиани. Уж они хорошо знали, кто кого совратил.

— А что я могла сделать? Кирилл только в дом придёт, не успеет руки вымыть, а эта нахалка уж дверь готова разнести по досточкам! За руку его хватить и в комнату! А уж что они там делали, не знаю. Сами сказали, что нельзя входить без стука в комнату сына и нарушать его личное пространство. Я стучу, а эта стервь малолетняя отвечает: Нельзя! А наш Кирилл молчит и всё. В чём моя вина, если он её впускал? — обливалась слезами бабушка Кирилла Софья Силантьевна, на которую с упрёком взирали сын с невесткой.

— Да уж... подтверждаю. У Янки захват, как у бульдога, — тихо подтвердил Марк Драгунов, друг Кирилла, назначенный свидетелем на свадьбе.

Нина Осиповна и Георгий Петрович только тяжело вздыхали.

Они были археологами и большую часть своей жизни находились в разъездах, связанных с историческими раскопками. Можно сказать, что Софья Силантьевна вырастила прекрасного начитанного внука, привив ему галантные манеры

и вкус к хорошей литературе. А вот способам отбиваться от назойливых поклонниц бабушка не научила.

Чтобы отбиться от такой девушки, как Янина, мало быть образованным и уметь играть на фортепиано.

Крупная черноглазая Янина была так физически развита, что запросто могла избить любого мальчишку из своего класса, если он посмел показать ей язык на перемене или произнёс у неё за спиной оскорбительное словечко. Уже в четвертом классе, когда ее худенькие сверстницы ходили, стеснительно прижав ручки к тонкому туловищу, фигура Янины налилась и обрела вполне женственные формы. В восьмом классе Янина выросла, ее грудь выпирала из школьной формы, пышные бедра плотно облегали короткую юбку, вызывая восхищенные взгляды одноклассников. На вид она выглядела восемнадцатилетней девушкой. На физкультуре Янина стояла первой в шеренге, бесцеремонно и насмешливо разглядывая молодого щуплого физрука. Стоящие рядом с ней мальчики походили на младших братишек.

Под ее грузной поступью прогибались половицы школьного коридора. Тяжесть её плотного кулака почувствовали на себе не только мальчишки, но и девочки, посмотревшие в её сторону не так, как ей нравилось.

Одним словом, с Яниной не связывались и обходили её стороной.

Равно, как с её матерью, скандальной и агрессивной Глафирой Яковлевной, про которую ходили слухи, что она уби-

ла своего мужа, отца Янины.

Фрол Кондратьевич Забродин умер от кровоизлияния в мозг, когда маленькой Янине было шесть лет.

По официальной версии смерть произошла от удара старого бруса, случайно упавшего с крыши сарая в тот момент, когда там проходил несчастный Фрол Кондратьевич.

Районный следователь, вызванный на место происшествия, решил не утруждать себя подробностями дела и внес его в категорию «несчастный бытовой случай».

Свидетели происшедшего посчитали, что полезнее и безопасней промолчать.

* * *

После свадьбы Янина сидела дома. Она курила, стряхивая пепел в форточку, переругивалась с дворниками, смачно сплевывая на них в окно.

— Деточка, ты бы пожалела дитя, которое страдает внутри тебя от табачного дыма! Тебе же доктор пояснила, как может курение матери повлиять на развитие плода, — сдержанно говорила Софья Силантьевна, качая головой.

— Бабуль, ты надоела мне своим ворчанием! Лучше бы спросила у внука, где он шляется? Почему я всё время одна? — Янина со злостью пинала ногой стул.

— Он не шляется. Кирилл учится. Он просил тебя закончить хотя бы среднюю школу. Ты сама не захотела учиться,

— защищала внука бабушка.

— На что мне ваша школа? Как можно целый час не курить и париться в этой ужасной форме? Я и без школы кого хочешь, научу жизни! — с вызовом ответила Янина и снова пнула с силой стул так, что тот с грохотом упал на пол.

* * *

Как только Янине исполнилось восемнадцать лет, Кирилл развёлся с ней в одностороннем порядке.

Сначала он хотел сделать это путем мирных переговоров. Выбрав момент, когда они с Яниной вышли на балкон и любовались ночным городом, Кирилл начал свой разговор о разводе. Он стал приводить свои доводы.

Их брак был формальным. За эти два года Кирилл не приоткрылся к молодой жене. Он жил и учился в Иркутске, приехав в Малозерск только в день выпуска Янины из роддома. Сфотографировавшись с новорожденной дочкой на руках, Кирилл тут же поспешил на междугородний автобус до Иркутска.

Теперь настало время, когда они могли дать друг другу желанную свободу. Кирилл не сомневался, что Янина будет согласна разорвать их странный брак.

Янина слушала мужа и яростно дымилась сигареткой.

— Заруби себе на носу, лох! Ты будешь со мной, пока мне это не надоест, — сказала Янина и выпустила в лицо Кирил-

ла облако сигаретного дыма. Достаточно того, что она два года ждала, когда Кирилл получит диплом. Теперь он снова в ее власти.

Янина считала свою внешность неотразимой. Она видела в зеркале красивую девушку с великолепной фигурой, большими темно-кариыми глазами и густыми черными волосами. Что еще можно желать мужчине?

Она не сомневалась, что стоит Кириллу увидеть ее пышное тело, он не устоит перед соблазном. А когда она родит второго ребенка, ему уже никуда не деться от Янины. Ей в голову не приходила мысль, что вопрос о том, сколько иметь детей, нужно согласовывать с мужем.

Но на этот раз Кирилл проявил упорство и последовательность.

Оформить развод в отсутствие Янины, помогла старшая сестра его бывшей однокурсницы Виктории Борисовой, работающая судьей в Малозерском городском суде.

Предвидя неминуемый скандал, Кирилл срочно уехал на работу в далёкий Ставропольский край со своим другом и однокурсником Марком Драгуновым.

* * *

Получив решение суда о разводе по почте, Янина вылила свою злость на несчастную Софью Силантьевну.

Она обозвала старушку «сморщенной гримзой», сломала

две её любимые вазы из бесценного немецкого фарфора, выбросила тумбочку в стиле восемнадцатого века в окно и вырвала смеситель из стены в ванной комнате.

Остановил её только испуганный плач ребёнка. Двухлетняя Юля проснулась от грохота и сильно закричала.

Янина перестала бесчинствовать, громко хлопнула дверью и ушла, оставив маленькую Юлю у прабабушки.

С той поры заботливая прабабушка заменила Юле родителей.

Янина изредка навещала дочку. Приносила пакет с дешевой карамелью и пряниками, клала на стол и выходила на балкон покурить. Увидев знакомых, громко здоровалась. Не хотела лишаться детских пособий, которые тратила исключительно на себя.

Посидев минут десять, она обычно вспоминала про свои срочные дела и уходила, забыв поинтересоваться делами Юли.

— Приходит, чтобы соседи видели. Боится, что лишат родительских прав, — делилась Софья Силантьевна по телефону с сыном Георгием.

Она никогда ничего не требовала от Янины, радуясь, что она не досаждаёт своим частым присутствием.

* * *

После смерти Софьи Силантьевны, которая воспитывала

внучку до двенадцати лет, Юлия снова поселилась с матерью.

Кирилл Георгиевич в это время жил в Латвии, не имел своего жилья. Бросить работу и приехать за дочерью он не смог. Нина Осиповна с Георгием Петровичем навсегда эмигрировали в Грузию.

Внезапная перемена в жизни, сильно отразилась на психике Юли.

Девочке было очень трудно найти общий язык с матерью и её новым мужем, Панкратом Ивановичем Топорковым.

Привыкшая к чистоте и порядку, которые привила ей интеллигентная Софья Силантьевна, Юля была шокирована привычками матери и отчима.

Панкрат Иванович имел обыкновение сплёвывать в кухонную раковину, забывал смывать за собой унитаз, сморкался в шторы и громко выпускал газы из кишечника, покатываясь со смеху над выражением лица падчерицы.

— Смотри, смотри, Янка! Морду воротит от меня! Это бабка испортила её! Тренькать на пианине научила, а щи нормальные сварганить не научила! — Панкрат Иванович повышал голос и тут же начинал кашлять и плевать на пол. Юля чувствовала, как к горлу подступает тошнота и выбежала из комнаты.

За столом Пакрат Иванович принимался рассказывать же- не новости со своего мясокомбината. Он говорил с набитым пищей ртом, кусочки еды с каплями слюны далеко разлета-

лись по столу. Замечая это, Юля молча отодвигала свою тарелку.

— Ты уж королевну-то из себя не строй! Паник — он хороший мужик! Мне с ним повезло, что и говорить! Тебя пальцем не трогает, деньги в дом несёт, не пропивает. А если выпьет, то вместе со мной, — упрекала дочь Янина.

В самом деле, Юля видела, что отчим с матерью жили дружно, если не брать во внимание их словесные стычки, от которых Юля зажимала уши ладонями.

Янина не работала, занималась домом. Панкрат трудился в цехе по переработке мяса и зарабатывал прилично. Она не знает случая, когда бы мать с отчимом серьёзно ругались между собой.

— Иду, гляжу, шикарная баба впереди! Такие ляшки! Такая грудь! А ножки, ножки, зашибись! Ну я, конечно, сразу подкатил к ней! — рассказывал Панкрат знакомым о моменте знакомства с будущей женой. Он тискал Янину при любом удобном случае, если она проходила близко от него. Щипал её за выпуклые ягодички, цокал языком и подмигивал, кивая в сторону спальни. Похоже, Янине это доставляло большое удовольствие, она заливисто смеялась.

Вечерами супруги Топорковы долго сидели за столом, дымили сигаретами, шумно обсуждали новости, высмеивали соседей и приятелей, хохоча во весь голос. Потом выпивали бутылку водки на двоих и ложились спать. Почти сразу из спальни начинали доноситься сладострастные стоны Янины.

Юля слушала дружный смех супругов, нецензурную брань, щедро сыплющуюся из их уст, и вздыхала. Она с болью вспоминала покойную любимую прабабушку Софью Силаньевну, с которой могла говорить обо всём на свете.

Ночью, когда из спальни раздавался громкий храп отца, Юля садилась на краешек своей кровати и безмолвно плакала в подушку.

Девочка ощущала себя чужой в этой семье.

Окончив школу в возрасте семнадцати лет, она поступила в Иркутский университет на факультет журналистики. Училась Юля успешно. Она мечтала сразу после окончания университета уехать в Санкт-Петербург и стать знаменитым журналистом. Девушка повзрослела, вытянулась и превратилась в привлекательную стройную брюнетку. Она считала, что любовные романы помешают осуществлению ее смелой мечты. Поэтому ухаживания своих однокурсников игнорировала с горячей решительностью.

После второго курса, во время летних каникул Юля поехала со студенческим строительным отрядом на Камчатку. Там она впервые влюбилась.

Нестор Набуров, студент третьего курса их факультета, был одним из самых красивых парней в их отряде. Высокий, статный парень. Каштановая грива волос, лежавшая на плечах, серые глаза с черными крупными зрачками, как угли прожигавшими насквозь.

Многие девушки из отряда мечтали о Несторе. Ходили

слухи о несчастных отверженных девушках, обманутых карглазым красавцем. Это лишь усиливало притягательность Нестора. Он хорошо играл на гитаре, пел низким бархатным голосом. Когда его туманный взгляд останавливался на Юле, она понимала, что с ней происходит странная вещь. Голова кружилась, руки начинали дрожать, сердце трепетало в груди.

Все ее честолюбивые планы рушились перед нестерпимым желанием быть рядом с этим самоуверенным брюнетом с влажными золотыми глазами.

Как-то после вечерних песен у костра Нестор предложил Юле прогуляться. Она пошла с ним словно околдованная. Он мог повелевать ею, как хотел.

* * *

Вернувшись домой после каникул, Юля поняла, что беременна.

Нестор изменился в лице, узнав эту новость.

— Юленька, ты же сама понимаешь, как это несвоевременно. Я надеялся, что ты умная девочка и приняла защитные меры. Но что теперь говорить, надо действовать... Тебе ведь еще три года учиться... Давай договоримся, ты избавишься от плода и у нас все будет как прежде, — вкрадчиво предложил Нестор.

Он уговорил Юлю сделать всё, чтобы избавиться от про-

блемы, так он назвал их возможного ребёнка.

Юля согласилась с ним. Тогда ей казалось, что ребёнок действительно рушит все её планы. Кроме того, она боялась потерять любимого.

Нестор привёз её на родительскую дачу. С ним был его приятель, Эдик, студент медицинского института. Эдик сделал Юле какой-то укол, после которого она потеряла сознание.

Перепуганные парни привезли девушку, истекающую кровью, в больницу.

Пришлось оповестить о случившемся Янину.

— Ой, дура, ты дура! Вся в отца! Ты знаешь, кто родители Нестора? Отец — директор нашего механического завода! Мать — главный бухгалтер хлебокомбината! Ты могла вертеть ими, как хотела! Почему ты отказалась написать на него заявление? Мы могли бы размазать эту семейку по стенке! Мы могли бы запросить такую сумму! — восклицала Янина с досадой.

— Мама, перестань, пожалуйста. Я сама пошла на это. Нестор не виноват, — твердила Юля, а сама неотрывно смотрела на дверь палаты. Она ждала Нестора.

Спустя три недели Юлю выписали из больницы с мрачным прогнозом на будущее материнство. В больнице, кроме матери, её посещала Енна, которая знала все подробности их знакомства с Нестором. Сам он ни разу не навестил её.

Мало того, встретив девушку в коридорах университета,

Нестор быстро поворачивался и скрывался в толпе студентов. Юля с трудом удерживала себя, чтобы не побежать за ним.

Она не могла поверить, что та горячая любовь, о которой каждую встречу говорил ей Нестор, могла внезапно исчезнуть.

Первая любовь всегда светла, горяча и естественна. Она ещё не обременена житейским опытом. Эта любовь подобна сверкающему перу волшебной жар — птицы, от которого невозможно оторвать взгляд. Твой любимый предстаёт перед тобой в белом сиянии, без единого темного пятнышка. Осознание, что это не так — великая душевная боль. Пережить эту боль, вынести из этого горького опыта полезный урок, не так просто.

Прошел долгий-долгий год, прежде чем Юля перестала ждать своего любимого, перестала вздрагивать от каждого телефонного звонка и всматриваться в лица прохожих, напоминавших ей Нестора.

Мать с отчимом сочувствовали ей, но в такой форме, что от их восклицаний становилось ещё горше на душе.

* * *

На пятом курсе Юлия познакомилась с Русланом Узниковым, выпускником военно-авиационного училища. Руководство училища, понимая закрытость своего заведения,

устроивало праздничные балы, приглашая студенток высших учебных заведений. На этих балах курсанты могли завести знакомство с девушками. Таким образом, были созданы сотни прекрасных семейных пар.

Во время очередного бала, устроенного в актовом зале военного училища, Юлю пригласил на танец застенчивый курсант с серьёзными тёмными глазами и по-девичьи нежным цветом лица. Они стали общаться и выяснили, что имеют много общих интересов.

Немногословный начитанный Руслан с открытой улыбкой и галантными манерами понравился Юле. Он считался одним из лучших выпускников училища, был рассудительным и всегда имел свою точку зрения на любой предмет обсуждения.

Руслан был родом из Черемховского района.

Его семья состояла из матери, Ольги Серафимовны, учительницы начальных классов и двух младших братьев, десятилетнего Лёвушки и четырнадцатилетнего Клим. Отец Руслана, Узников Кирьян Николаевич погиб во время испытательного полёта грузового самолёта. Он работал на авиационном заводе летчиком-испытателем.

Познакомившись с семьей Руслана, Юля была тронута теплым отношением к себе, а также привязанностью друг к другу всех Узниковых. Мальчики восхищались старшим братом, а он взял на себя роль наставника, памятуя наказ отца.

Словно предвидя свою гибель, Узников Кирьян Николаевич приехал в училище к сыну. Когда-то он сам окончил его.

— Слушай и не перебивай! Если со мной что случится, а это, учитывая мою профессию может случиться в любом полёте, не оставляй братьев без контроля! — сказал Кирьян Николаевич.

Руслан тогда не придавал важного значения тому разговору. А через две недели ему сообщили о трагической гибели отца.

После получения диплома Руслана пригласили работать на авиационный завод. Администрация завода обещала предоставить молодому сотруднику ведомственную двухкомнатную квартиру при условии, что он предоставит свидетельство о браке.

В тот же день Руслан сделал Юле предложение.

— Послушай, я должна тебе сразу кое-что сказать... то есть, предупредить... другими словами, признаться тебе, что... Возможно, я не смогу иметь детей, — с трудом произнесла Юля.

Она давно готовилась к этому разговору. Считала, что лучше, если Руслан, родившийся в многодетной семье и вполне возможно мечтающий о детях, узнает правду от неё, чем позже разочаруется в своих ожиданиях.

— Я выбирал жену не по биологическим критериям. Не будет детей, значит, не будет. Раз мы затронули тему детей, то и я хочу предупредить тебя. Со временем я заберу млад-

ших братьев к себе и буду готовить их к поступлению в кадетский корпус. Мать, похоже, перестала справляться с ними, — после непродолжительной паузы ответил Руслан. Он произнес это непререкаемым тоном. За внешней мягкостью у него таился твёрдый характер.

Руслан предложил Юле обойтись без свадьбы. Денег на торжества у обоих не было. Просить деньги у матери Руслан не стал бы никогда. Равно как и Юлия. Она заранее знала ответ прижимистой Янины.

Юлия охотно согласилась со своим женихом, с ужасом представив свою мать с отчимом, громко поющих блатные частушки с матерными выражениями.

Они просто пошли в городской ЗАГС и расписались.

Таким образом, Юлия была избавлена от необходимости выслушивать по вечерам диалоги отчима с матерью, сдобренные отборной нецензурной бранью. Терпеть осуждающие высказывания отчима по поводу её стремления к чистоте. После смерти тёщи Панкрат стал особенно бесцеремонным и наглым.

На восемьдесят первом году жизни от инсульта скончалась Глафира Яковлевна, которая прежде была полноправным участником семейного трио. Причём по части ругательств, покойная старушка превосходила дочку с зятем в разы. Панкрат был вынужден отступать перед активной тещей и реагировать на её замечания.

Когда Глафиры Яковлевны не стало, вся его нечистоплот-

ность и отсутствие элементарного уважения к членам семьи расцвела, как грибок плесени в теплом и влажном месте.

Придя с работы, Панкрат снимал рабочую робу и ходил по дому в тонких трусах. Он засовывал в трусы руку и с наслаждением почёсывал свои половые органы, ни мало не стесняясь падчерицы. Янина только снисходительно посмеивалась и отпускала сальные шуточки.

То, что для Янины и Панкрата было нормой, Юлю оскорбляло и неприятно резало слух.

* * *

Будучи замужем, Юлия часто приезжала в Санкт-Петербург навестить отца.

Ее мужа Руслана из Иркутска перевели в летный гарнизон Московской области. Супругам выделили отдельную квартиру в Королеве. Поскольку ее муж редко был дома, Юля была предоставлена самой себе. Она устроилась редактором в одно столичное издательство, где успешно продвигалась по карьерной лестнице.

Свой отпуск она с удовольствием проводила в семье отца. По воскресеньям они не спеша гуляли по Невскому проспекту, осматривали музейные выставки и ездили в Царское село на праздничные мероприятия.

Иногда Кирилл Кондратьевич брал Юлию на работу. Он руководил центром по оказанию помощи больным живот-

ным. Сюда владельцы собак, кошек, хомячков и прочей живности, привозили своих питомцев.

Облачившись в белый халат, Юлия наблюдала, как отец осматривал больных животных и оказывал им лечебную помощь.

С его женой Маргаритой Кондратьевной Юля быстро подружилась. Мачеха всегда встречала ее с теплотой и радушием. Однако, без излишней суеты, желания понравиться или подчеркнуть свою значимость.

Маргарита Кондратьевна, как и Юлия, обожала литературу. Узнав, что падчерица пробует писать книги, она предложила ей поискать в их семейной библиотеке интересные исторические хроники. Отец Маргариты преподавал историю в университете и собирал редкие книги.

Женщины часами сидели в библиотеке и обсуждали разные темы.

Всегда уравновешенная спокойная Маргарита загоралась, когда речь шла о ее родителях. Её мать, Елизавета Степановна много лет служила научным сотрудником Эрмитажа. Сама Маргарита с отличием закончила факультет биологии Санкт-Петербургского университета. Она выросла в среде потомственных интеллигентов, впитав в себя манеры, жесты и привычки родителей.

Когда родилась Анжелика, Маргарита Кондратьевна готовилась к защите докторской диссертации. Однако выкроила время, чтобы вместе с мужем встретить Юлию из родильно-

го дома. Это очень тронуло Юлию и укрепило их отношения с мачехой.

— Как жаль, что мне не довелось стать матерью. Зато есть шанс стать бабушкой, — сказала Маргарита Кондратьевна, взяв на руки новорожденную Анжелику.

— Не сомневаюсь. Тем более, внешне Лика больше похожа на вас, чем на своих родителей, — ответила счастливая Юлия. Это было правдой. Новорожденная Анжелика была светловолосой, с тонкими чертами лица и голубыми глазами. Увидев ее, никто не сомневался в правильности имени младенца.

— Символично звучит. Известно, что цвет глаз у новорожденных детей может меняться. Но это тот случай, когда мне бы этого не хотелось. Пусть она будет похожа на бабушку, — произнес Кирилл Кондратьевич, с гордостью обняв жену.

Внешне Маргарита Кондратьевна напоминала Юлии известную актрису Веру Марецкую. Светлые волосы, зачесанные назад, высокий гладкий лоб, прозрачные голубые глаза, тонкие черты лица. Удивительно изящные руки с длинными пальцами, без всякого маникюра. Маргарита работала с животными и боялась нанести им вред от острых ногтей. Одевалась женщина в простую одежду строгих тонов и редко пользовалась косметикой.

Характер у Маргариты Кондратьевны был сдержанный, иногда она казалась чопорной и высокомерной. Но Юлия

уже убедились, насколько доброе сердце бьется под черными закрытыми блузками и наглухо застегнутыми жакетами.

Но бывали дни, когда ученая дива преображалась. Это когда они все вместе собирались в театр на вечернее представление.

Маргарита Кондратьевна наряжалась в любимое длинное черное платье, слегка наносила тушь на ресницы и немного блеска на губы. Тогда она превращалась в необыкновенную красавицу.

— Видит Бог, я женился на королеве! — восклицал Кирилл Георгиевич, восхищенно глядя на жену, и почтительно брал ее под руку.

Юлия не переставала удивляться образованности и разносторонними познаниями своей мачехи. Маргарита Кондратьевна могла рассказать почти обо всех картинах Эрмитажа, знала художников и скульпторов, имеющих отношения к знаменитым зданиям Петербурга и цитировала наизусть стихи Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Юлии Друниной.

Но эта женщина, как все интеллигентные люди, знала меру во всем. Она прекрасно понимала, что иногда дочь должна оставаться наедине с отцом и охотно предоставляла им эту возможность.

* * *

В один из вечеров Юлия с отцом сидели в уютной петер-

бургской квартире за чаем.

Тактичная Маргарита Кондратьевна ушла, сославшись на дела в институте.

Юля решилась задать отцу вопрос, волновавший ее в течение многих лет.

— Папа, что такого сделала моя мать, что ты развелся с ней в день ее совершеннолетия? — спросила она взволнованным голосом.

— Что сделала? Странный вопрос. Нет, ничего не сделала. Ты хочешь знать, почему я развелся с нею? — спокойно поинтересовался Кирилл Георгиевич.

— Да, — произнесла Юлия.

— Имеешь право знать. Но сама она ни в чем не виновата передо мной. Разве я когда-нибудь в чём-то обвинял твою мать? Янина такая, какая есть. По сути, она неплохая женщина, но... Просто мы с ней настолько разные, что существовать под одной крышей не можем. Попробую тебе пояснить, что я имею в виду.

Насколько тебе известно, я не только ветеринар. Несколько лет я проработал в кинологической службе. Потом только занялся научными исследованиями. Так вот приведу пример из своей практики. Мне хотелось проверить самому, действительно ли беспородные собаки не могут поддаваться дрессуре и получать призы на выставках. Я люблю всех животных и мне была не приятна сама мысль о том, чтобы делить их на породистых и дворняжек. Но все мои попытки

воспитать дворняжку так, чтобы она не отличалась от породистых собак, закончились крахом.

Дворняга — доброе преданное существо, милое сердцу. Ты можешь вымыть, вычистить её шерсть, постричь когти, научить нужным командам. Держи её в доме, наслаждайся её верностью и преданностью. Своим собачьим сердцем она будет служить тебе до последнего вздоха.

Но если ты решишь повести её на выставку, на фестиваль, где будет множество других собак, то будь готов к тому, что она устроит погоню за другой собакой, организует драку или, того хуже, укусит тренера в порыве энтузиазма.

Потому что природные инстинкты у дворняг всегда возьмут верх над воспитанием.

Признаки породы формируются поколениями. Это не только к животным относится.

Человек с самого детства должен знать, что любой поступок имеет свои последствия.

Вступив в половозрелый возраст, он должен иметь ясные представления о том, с кем и почему вступает в интимные отношения. А не бежать за каждой юбкой по причине гормонального взрыва. Сила воли проявляется не только в том, чтобы победить в спортивных соревнованиях или справиться с болью. Иногда с собой справиться ещё сложнее.

Я в юности совершил ошибку, пойдя на поводу у инстинкта. За что поплатился двумя годами кошмара. Но меня воспитала моя изумительная бабушка, которая смогла внедрить

в мой мозг основы здоровой морали. Были мои родители, союз которых был для меня образцовым. Благодаря всему этому, я вовремя исправил свою ошибку. И в дальнейшем старался по мере сил не повторить её.

Сознаюсь, мне не всегда это удавалось. В одной из экспедиций чуть не влюбился в прелестную молодую женщину... так, незначительный эпизод. Ночь, костер и влюбленные женские глаза... одним словом, не устоял. Мне сказали, что она замужем. Я тут же сбежал подальше от искушения. Вовремя ретировался с поля боя, как говорится. В дальнейшем, я постарался быть более рациональным.

Хорошо, что тебе передались наследственные черты нашей семьи. Ты — моё везение и удача. Я люблю тебя, дочь и рад, что могу гордиться тобой. Но ведь могло быть иначе... — ответил Кирилл Георгиевич, скрутив в трубочку полотняную салфетку.

— Я поняла, папа, — тихо сказала Юля.

Она окинула взглядом ухоженное лицо отца, его карие умные глаза в тонкой золотой оправе очков, накрахмаленную светло-голубую рубашку, серые отглаженные брюки. Полюбовалась его красивыми руками с длинными пальцами и аккуратно подпиленными ногтями. Возраст только украсил внешность Кирилла Георгиевича, придав ему мужественность и солидность.

При этом она знала, что отец не гнушается никакой работой, если она имеет отношение к спасению животных. Этими

руками он выхаживал заболевших слонов, тигриц, кроликов и мартышек. Самые агрессивные хищники чувствовали доброту доктора и доверчиво отдавались в его волшебные руки.

Вскоре после развода с Яниной Кирилл Георгиевич заключил контракт с Рижским зоопарком. Там ему предоставили отдельную лабораторию, где он в свободное от основной работы время мог заниматься научным наблюдением за животными зоопарка.

Его помощницей была назначена молодая выпускница Ленинградского университета биолог Маргарита Южина. Девушка работала над кандидатской диссертацией по вопросу когнитивного мышления млекопитающих. Её тема по нейробиологии была созвучна с научными интересами Кирилла Георгиевича.

Со временем их совместная работа перешла в дружбу.

Маргарита нравилась Кириллу Георгиевичу своим нетривиальным подходом к любой проблеме, заботливым отношением к подопытным животным и природной мудростью, часто не свойственной девушкам её возраста.

Ко всему прочему Маргарита была хороша собой. Ее красота была неброской с первого взгляда. Тонкие черты овального лица, стройная фигура, голубые выразительные глаза. Голос у девушки был мелодичным и тихим. Этот голос завораживал Кирилла и не отпускал даже ночью.

Когда Маргарита закончила свои эксперименты и собралась уехать в родной Ленинград, Кирилл решился сделать ей

предложение.

Только тогда Маргарита призналась, что давно любит его. Её скромность и сдержанность приятно удивила Кирилла и укрепила в нём решение жениться.

В начале девяностых годов руководство зоопарка не продолжило контракт с Кириллом Георгиевичем по политическим соображениям. Советский Союз разваливался на отдельные республики.

Кирилл уехал к жене в Ленинград, где они в полном согласии живут третий десяток лет.

Маргарита Кондратьевна возглавляет отдел общей биологии в научно — исследовательском институте.

Кирилл Георгиевич создал собственный центр по лечению животных. Очередь на приём к нему не редает.

Юля гордилась своим отцом.

* * *

Однако ей часто приходилось краснеть за мать.

Янина Фроловна одевалась очень провокационно. Она могла выйти в город в обтягивающих тонких лосинах и короткой майке до пояса.

Её платья и юбки едва прикрывали зону паха. Её вихляющая походка вызывала смех и нездоровый интерес у подростков. На замечания женщин Янина отвечала грязными ругательствами и плевыми в их сторону. Юлия старалась не

показываться на улице вместе с матерью, избегая пошлых выкриков и насмешек.

Однажды они шли по рынку вместе.

На Янине, как обычно, были короткие фиолетовые лосины из тонкого трикотажа, обтягивающие пышные бедра. Топик с узкими бретельками обнажал толстые слои живота. Складки жира и грудь, не ограниченная бюстгалтером, колыхались при ходьбе.

— Глянь, тётка забыла юбку одеть! В одних рейтузах идёт! — раздалось за их спиной разговор подростков. Затем раздался звонкий смех.

Если они подходили к прилавку, Юлия видела, как усмехаются кавказские мужчины, торгующие фруктами, над одеждой матери.

При этом она понимала, что если примется объяснять матери, почему нельзя появляться в нижнем белье в торговом центре или на площади, та устроит ей очередной скандал.

Вспомнилась недавняя сцена.

Они с Русланом приехали к матери в гости, чтобы поздравить её с пятидесятилетием.

Янина Фроловна вышла к ним в коротком халатике, надетом на голое тело. В разрезе виднелась пышная грудь, обнажённая почти до сосков. Из гостиной доносился храп Панкрата.

Руслан растерялся от вида тёщи и опустил глаза.

— Ты бы оделась, мама, — тихо попросила Юлия.

— А что мне скрывать? Хочешь сказать, что у меня грудь некрасивая? Жаль, что фигурой ты пошла в отца, ни задницы, ни сисек, — громко отозвалась Янина Фроловна и, виляя полными бедрами, почти не прикрытыми полами халата, направилась в кухню.

Было ощущение, что чем старше становилась Янина Фроловна, тем больше она открывала миру своё стареющее тело.

Светлана позвонила только через месяц.

Вера уже начала вставать с постели, но с трудом передвигалась по квартире на неуверенных ногах. Её голова беспрестанно болела, она делала шаги, держась за стены. Телефон лежал в кармане просторного домашнего халата, звук был выключен, поскольку громкие звуки вызывали у Веры усиление головной боли.

Когда аппарат завибрировал в кармане, Вера дошла до дивана и только тогда нажала на кнопку вызова.

— Привет, Верка! У меня столько новостей, ты сойдешь с ума! Во-первых, я здесь познакомилась с умопомрачительным мужчиной! — заговорила Светлана жизнерадостным голосом.

— Как там мать? Она что-нибудь дала тебе? Мы тут голодаем с этим кредитом, — перебила сестру Вера. Высокие ноты голоса Светланы вызывали у неё головокружение.

— Ой, я забыла, что ты не умеешь радоваться за других! А что мать! Мать в порядке. Особняк, который Михаэль ей подарил, просто шикарный. Восемь комнат, четыре душевых, три ванны. Мать живёт, как царица. Ты её не узнаешь! Её спальня размером, как вся твоя квартира! Михаэль с нашей мамочки пылинки сдувает. По утрам она жарит ему говяжью котлетку, он ест, цокает языком и целует её. Да, мать нашу,

не котлетку. А по вечерам они в обнимку прогуливаются по набережной. Не жизнь — малина! — стрекотала Светлана.

— Не пойму, чем наша мать взяла такого миллионера? Она же в таком возрасте, когда уже не до любви, — озадаченно проговорила Вера.

— А, ты о сексе? Здесь всё не так, моя дорогая, как бывало в нашей задрыпанной Маковке. Михаэль спит в отдельной спальне, у него для этих целей есть Аманда, — пояснила со смехом Светлана.

— Любовница? — спросила Вера.

— Нет. Что-то вроде куклы-робота. Стоит бешеных денег. С виду, как живая. Улыбается, произносит фразы, даже шевелит руками, ногами. С ней Михаэль балуется по ночам. Он, знаешь, немного с придурью. Хотя в целом, старик весёлый, — ответила Светлана.

— Ты не ответила на мой вопрос. Тебе мать дала денег? — напрямую резко спросила Вера, поняв, что Светлана уклоняется от темы финансов.

— Не задавай таких вопросов по телефону. Здесь всё прослушивается, поняла? Приеду, сообщу, — глухо сказала Светлана и отключилась.

Вера с минуту подержала телефон в руках, борясь с желанием швырнуть его об стенку. Но сдержалась и снова положила в карман халата. Голову разрывало на части от ярости.

На заре человечества, пару миллионов лет тому назад, основным врагом первобытного человека были опасные хищники. Неандерталец, отправляясь на охоту, старательно заваливал вход в пещеру валунами, чтобы звери не проникли к женщинам и детям. Еда добывалась трудно, скудная добыча делилась поровну.

С появлением орудий охоты, появились какие-никакие запасы. Поэтому внутри пещеры стали происходить процессы, неподвластные основному добытчику. Каждому хотелось отхватить кусок пожирнее и лечь на место поближе к костру.

Каждый добывался своего как мог. Кто с помощью силы, кто брал красотой тела, а кто изворотливым умом и хитростью.

Причем, чем больше добычи было в доме, тем сильнее разгорались распри между домашними.

Видимо, именно тогда в мозгах старейшин рода стала созреть мысль, рожденная путем векового болезненного опыта, а впоследствии воплощенная в мудрой библейской истине «Ближние твои — враги твои».

Галина Степановна Мацукина, будучи воинственной атеисткой, всякую веру презирала и библейских текстов не читала.

Старушка, сгорбившись и высунув язык от удовольствия,

сидела за столом и старательно строчила очередную жалобу в Роспотребнадзор.

Всю текущую неделю она с биноклем в руках неотрывно наблюдала за недавно открывшимся в доме напротив, продуктовым магазином. Вчера она увидела, как из-под деревянных ящиков, грудой сваленных у служебного входа в торговую точку, выползли две крупные крысы. Из дверей входа вышел грузчик, равнодушно посмотрел на крыс и закурил, притулившись к металлическому фонарному столбу.

— Безобразие! Форменное безобразие! — произнесла вслух старушка и принялась за дело. Она уже заканчивала писать, когда услышала голоса в прихожей.

— Нинка! Про кефир не забыла? — крикнула Галина Степановна, не отрываясь от писанины.

— Здравствуй, дорогая бабуленька! — раздался жизнерадостный голос.

Галина Степановна вздрогнула и обернулась.

На пороге стояла её внучка Анна. Недавно она вышла замуж и уехала к мужу в Новосибирск.

— Ой, Анечка! Ты что же без звонка явилась? Мне и накормить тебя нечем! Твоя мать держит меня взаперти, — воскликнула старушка, после чего стала рассказывать о своей нелегкой доле.

— Ладно, ладно, бабуль! Мне мать уже говорила про твои подвиги и ночные полёты на простынях, — прервала бабушку Анна, рассмеявшись.

— Лучше познакомься с моим мужем. Павлик, это моя любимая бабушка, — Анна подвела молодого человека приятной внешности, одетого в спортивный костюм коричневого цвета с белой отделкой.

— Здравствуйте, Галина Степановна! — парень снисходительно хмыкнул и слегка пожал старушке руку.

— Павлик! Теперь носи сюда сумки! Это наша комната! — крикнула Анна из глубины квартиры.

— Вы надолго? — осторожно спросила Галина Степановна, взглянув на две огромные сумки на колёсах, проплывающие мимо неё.

— Не знаю, бабуль. Как получится, — неопределённо ответила Анна и захлопнула дверь комнаты перед носом старушки.

Через месяц совместного проживания Галина Степановна стала выражать недовольство поведением внучатого зятя.

* * *

Павлик целыми днями лежал с ноутбуком в руках, разбрасывал чашки с недопитым чаем и кофе. На кухне оставлял грязные тарелки с остывшей едой. Анна рано утром уходила в поисках работы, а возвращалась вечером сердитая и раздражённая.

— Как был Малозерск дырой, так и остался! За целый месяц каторжной работы обещают платить двадцать рублей! В

Новосибире грузчики больше получают! — говорила она, садясь за стол и нервно толкая ногой соседнюю табуретку.

— Наверное, двадцать тысяч рублей, деточка? — уточняла бабушка.

— Да, какая разница, ба? Сейчас все так говорят, — Анна наливала себе чай и доставала из пакета коробку с пиццей.

— Тогда почему вы уехали из Новосибирска, коли там всё так хорошо? — поинтересовалась Галина Степановна, предусмотрительно убрав табуретку подальше от ног внучки.

— Павлик — банкрот! Так получилось. Обманули его с кредитами. Ты же слышала, вокруг одни мошенники. Сейчас ему надо отсидеться пару месяцев. Кое-кто его ищет... Только ты, пожалуйста, прекрати гундеть ему про работу. Он начал сердиться. Павлик! Иди ужинать! — крикнула Анна и принялась разрезать пиццу на части.

— А на что вы жить собираетесь? — не унималась старушка. Вчера Анна выклянчила у неё последнюю тысячу. До следующей пенсии надо было жить целую неделю.

— Бабуль, я же просила! Не порти нам аппетит! Валяй в комнату, там твой Малахов песни поёт! — ответила Анна и пододвинула мужу жирный кусочек пиццы.

Галина Степановна потопталась в нерешительности и, пошла смотреть телевизор.

На следующий день зашла Нина с сумкой, полной продуктов.

— Вот, мама. Здесь мясо, рыба, сыр. На первое время хватит. Почаще вари молодым суп, они совсем от нормальной еды отвыкли, — со вздохом сказала Нина и поставила тяжёлые пакеты на стол.

— Ты что, Нина, совсем сбрендила? Я им должна супы варить? Да мне уже восьмой десяток, сил нет. Пусть живут у тебя, ты им и вари! — возмутилась Галина Степановна.

— На прыжки со второго этажа у тебя силы были? На ночные шастанья по городу были? А родную внучку с мужем покормить, значит, сил нет? Я, мама, все твои финты изучила! Не прикидывайся слабой старушкой! И потом, Анька в этой квартире прописана. Куда ей ещё было ехать? — Нина наступала на мать, та пятилась назад.

Возразить Галине Степановне было нечем.

Светлана слушала Арриго с содроганием.

— Арриго, что ты говоришь? Ты предлагаешь мне мошенническую аферу? Думаешь, я попадусь тебе на удочку, а ты сдашь меня в полицию? — спросила она.

— Зачем мне сдавать тебя в полицию? Сама подумай! Я собираюсь жениться на тебе, моя белissima! — с ослепительной улыбкой ответил Арриго Грассо.

За эти месяцы он был единственным, с кем Светлана могла открыто говорить здесь, в чужой стране, в чужом доме.

После бракосочетания матери и Михаэля Светлане не хотелось уезжать из Израиля. Она вела беспечную жизнь, избавленную от забот о завтрашнем дне. Светлану мало волновали разговоры матери о проблемах со здоровьем у Михаэля, о дороговизне услуг платных врачей и равнодушии горничных.

Проснувшись после полудня, она медленно пила кофе на открытой веранде, любуясь южной зеленью и яркими цветами. Затем выбирала наряд из своего, ставшего объемным гардероба, и отправлялась на прогулку с Арриго.

Светлана наслаждалась такой беззаботной жизнью и считала, что вполне заслужила это.

Она старалась не вспоминать то далёкое время в её жизни, когда она семнадцатилетней девчонкой приехала в Москву

со своей подружкой Алисой Калининой. Это было время испытаний и выживания.

* * *

Желание срочно уехать из дома, было вызвано подлым поступком сестры Веры.

Вера была моложе Светланы на два года. Внешне сестры совершенно не походили друг на друга. Изящная белокурая Светлана с красивыми голубыми глазами и нежной персиковой кожей. И полненькая темноволосая Вера в черных очках, сквозь линзы которых и без того небольшие карие глаза выглядели как две чёрных бусинки.

Вера постоянно шпионила за старшей сестрой, подслушивала её разговоры по телефону и подглядывала за каждым её свиданием с мальчиками. А мальчиков, влюблённых в яркую красоту Светланы было немало.

Но Светлана, похоже, выделяла из них только Геру Ермаева. Симпатичного застенчивого спортсмена с выразительными карими глазами и ямочкой на подбородке. Парень учился в параллельном классе той же школы.

Сам Гера долго не мог поверить в своё счастье, когда на одном школьном вечере Светлана сама пригласила его на танец. После выпускного бала они не расставались.

До рассвета сидели на своей любимой скамейке возле дома Мастаковых, где в светлом порыве юношеской любви да-

ли друг другу клятву вечно быть рядом.

* * *

Получив аттестат о среднем образовании, Светлана решила поступать в Иркутский медицинский институт. Ей потребовалось пройти медосмотр для получения специальной справки абитуриента.

Вернувшись домой из поликлиники, она обнаружила в своей спальне спящих Геру и Веру. Оба были голыми.

В отчаянии выскочив из дома, Светлана помчалась к подруге Алисе. Та собиралась поступать в институт в Москве, где жила её бабушка по отцу.

— Ты когда едешь? — с порога спросила Светлана.

— Поезд сегодня ночью отходит... а что? — с удивлением спросила Алиса.

— Можно мне с тобой? — умоляюще посмотрела Светлана.

— Наверное. Но бабушку надо предупредить. У неё квартира маленькая. Может, она не согласится, — озадачилась Алиса.

— Я буду жить в общежитии. Поступлю вместе с тобой в один институт, — ответила Светлана решительным голосом.

— Ну, ладно. Беги за билетом... — сказала Алиса, недоумевая, почему подруга так стремительно поменяла свои планы.

Уже устроившись в купе, Светлана прижала горящий лоб к прохладному окну. Из глаз потекли слёзы. Они текли таким потоком, что стекали на грудь, впитываясь в серый вязаный жилет. Алиса с изумлением смотрела на подругу и молчала.

С трудом справившись с эмоциями, Светлана рассказала Алисе, что произошло.

— Не могу представить, чтобы я так поступила со своей сестрой... Лучше я отрежу свою руку! — сказала Алиса. У неё была старшая сестра Диана, которую она обожала.

— Я не из-за Верки. От Верки я ничего хорошего не ожидала. Она всё время гадила мне, чем могла. Ябедничала матери, портила мои тетрадки, писала мальчишкам всякие записочки, будто от меня. Вытащит тайком мои платья из шкафа и начинает напяливать на себя. Размер-то у неё намного больше. Швы, конечно, не выдерживают... так она скомкает всё и засунет за шкаф. Это она с виду такая тихушница, а внутри... Но Герка! Он же клялся мне в любви! — в отчаянии сказала Светлана. И слёзы потекли вновь.

* * *

Подруги приехали в Москву и подали заявление на поступление в медицинский институт. Алиса поступила, а Светлана не прошла по конкурсу. Ей не хватило два балла. Чтобы поддержать подругу, Алиса нашла в газете объяв-

ление о наборе на курсы младших медсестер.

— Что такое младшая медсестра? Сиделка, скажи прямо... — Светлана залилась слезами.

— Ты закончишь курсы. У тебя будет хоть какая-то специальность. Я через родственников постараюсь найти тебе работу. А на следующий год поступишь, — посоветовала практичная подруга.

Светлана так и сделала.

Домой возвращаться она категорически не хотела. Надо было как-то зацепиться в Москве. Получив сертификат младшей медицинской сестры, она стала искать работу сиделки или няньки.

Увидев на пороге стройную белокурую красотку, молодые мамочки сразу отказывали ей. Пожилые жены инвалидов поступали аналогично в страхе, что больной муж буден пленён молодой красавицей и потеряет интерес к старой супруге. Предложения от мужей, готовых потратиться на сиделку для жены, не поступали.

— Света, недавно в дорожной аварии погибла подруга моей бабушки. Из всей семьи в живых чудом остался муж подруги, Савва Борисович. Сейчас он ещё в больнице, но готовится к выписке. Бабушка говорит, что его сестра Нонна Борисовна ищет сиделку для брата. Дом набит всякими дорогими вещами. Поэтому она боится воровства. Просит рекомендации для гарантии. Хочешь, я попрошу бабушку рекомендовать тебя? — спросила Алиса.

— Ты ещё спрашиваешь? Сколько я буду сидеть на твоей шее? — воскликнула Светлана.

— Только ты скажи, что у тебя был опыт общения с больными. Бабушка говорит, что эта Нонна Борисовна — дама с характером и претензиями, — предупредила Алиса.

* * *

Через неделю Светлана, надев скромное платье, туго заколовав светлую косу на затылке, приехала на встречу с Нонной Борисовной.

Дверь ей открыла высокая полная женщина в темном костюме модного покроя. На голове у неё красовался огромный шиньон, украшенный заколкой в виде диадемы. Светлана почувствовала запах незнакомых духов, сладких и волнующих.

Снимая обувь, Светлана окинула взглядом просторную прихожую, отделанную массивом дуба. Здесь всё дышало достатком.

— Что ж...трудно поверить, что вы берётесь за такой труд... но с такими рекомендациями... — протянула Нонна Борисовна, проверив сертификат и паспорт.

— Пожалуйста, поверьте, я буду отлично выполнять свои обязанности! — горячо произнесла Светлана. Ей вдруг так захотелось остаться в этом красивом доме.

— В таком случае, я вас беру. Вот здесь ваша комната, —

Нонна Борисовна прошла по широкому коридору и открыла высокую белую дверь.

Комната была маленькая, но достаточно светлая и уютная. Кованая кровать, кушетка, два стула и консоль на золочёных ножках у окна. Всё изящное и белое.

— Когда вы можете приступить к работе? — спросила Нонна Борисовна.

— Сейчас! — ответила Светлана.

— Отлично. Я спешу на поезд. Все указания получите у Августы Тихоновны, нашей горничной, — Нонна Борисовна взглянула на золотые наручные часы и ушла, стуча шпильками.

Через час двое санитаров внесли на носилках пожилого мужчину с бинтами на голове.

— Куда? — обратился к Светлане один из санитаров.

— Сюда, пожалуйста! — Светлана уже приготовила постель для больного. Заменяла белье, взбила подушки и пододвинула тумбочку с лекарствами.

С этого дня она поступила в полное распоряжение Саввы Борисовича Гудовича.

* * *

Её подопечному было шестьдесят лет. На фотографиях Светлана видела приятное мужское лицо. Нос с горбинкой, густые брови, яркие карие глаза, крупные губы.

До аварии Савва Борисович занимал руководящую должность в промышленном комплексе по производству дизельных двигателей. Большой дом, приличный заработок, заботливая жена Анастасия Витальевна, умная взрослая дочь Валерия, у которой был очень перспективный жених Андрей Грузилов.

Всё у Саввы Борисовича было так, как он задумал в ранней юности. Они с женой радостно готовились к свадьбе Валерии и Андрея.

В тот злополучный день они втроём ехали на очередную встречу с родителями Андрея, чтобы уточнить детали свадебной церемонии. Трасса была почти свободна, поэтому Савва Борисович мог разогнаться.

Не понятно, откуда на встречную полосу выбросило длинный прицеп...

Савва Борисович помнил только яркую вспышку перед собой и крик Анастасии...

* * *

На кровати лежал исхудавший мужчина, больше напоминавший подростка. Изнеможенное лицо в глубоких морщинах, впавшие глаза, потрескавшиеся до крови губы. Весь в швах и кровоподтёках. Он ничем не напоминал того, что на фотографиях.

Светлана сидела рядом с кроватью Саввы и штудирова-

ла медицинские учебники, которые ей принесла Алиса. Толстое пособие по уходу за тяжелобольными она почти выучила наизусть.

Но руки вначале не слушались.

У больного была выведена калостома.

Кишечные выделения, минуя прямую кишку, собирались в специальном пакете. Трубки выпадали, шприц дрожал в руках, повязки получались кривыми и сползали с раны. Белье приходилось менять ежедневно.

Но день за днём она научилась ловко управляться с работой. Вскоре рана на голове больного зажила. Приходящий на дом хирург Вадим Фадеевич убрал повязку.

— Все, зависящее от меня я сделал. Теперь необходимо время и хороший уход, — сказал хирург, тщательно осмотрев рану.

— Девочка, не спеши, не волнуйся, у тебя хорошие руки. Я вообще-то просил Нонну подыскать мне парня, а она нашла тебя. Но я нисколько не жалею, нисколько, — говорил ей Савва Борисович.

Он с нежностью следил за осторожными движениями розовых мягких рук девушки, любовался её тонким профилем и блеском светлых волос, гладко зачёсанных и убранных под хлопчатобумажную косынку.

Однажды косынка от неосторожного движения Светланы сползла с головы и взору Саввы Борисовича открылась чудная картина: золотистая волна густых волос упала на узкие

плечики девушки. Её лицо вспыхнуло от смущения, она подняла свои необыкновенные незабудковые глаза.

— Простите! — произнесла Светлана, быстро поправляя волосы тыльной стороной ладони.

— Пожалуйста, остановись, мгновение! Как ты прекрасна! Настоящая Светлана! — восхитился Савва Борисович, процитировав из поэмы Жуковского.

Девушка покраснела, собрала использованные пакеты, бинты и куски марли в специальный бокс и быстро вышла из комнаты.

Назад она вернулась в косынке, туго завязанной на затылке.

— Зря ты спрятала свою красоту. От её созерцания мои раны точно затянутся быстрее. Это живительное средство, — огорчился Савва Борисович.

— Так положено. Увидит Нонна Борисовна, выгонит меня за нарушение формы одежды, — пояснила девушка.

— Нонка? Пусть попробует, — тихо ответил Савва Борисович и улыбнулся Светлане.

* * *

Через пару месяцев Светлана уже выкатывала специальную коляску с больным из дома. Она медленно катила Савву Борисовича вдоль кленовой аллеи.

— Света! До завтра! Йогурт в холодильнике, лекарства я

положила на твой рабочий стол! — крикнула горничная Августа, пробегая по плиточной дорожке мимо них. С Августой Тихоновной у Светланы сложились неплохие отношения.

Первое время пожилая женщина, служившая у Гудовичей много лет, с неприязнью взидала на хорошенькую блондинку. Не возможно было поверить, что эта молоденькая красotka долго продержится.

Но прошли месяцы и Августа Тихоновна смягчилась, наблюдая с каким усердием ухаживает за больным Светлана. К тому же она успела убедиться, что девушка никогда не берёт хозяйские вещи без разрешения.

В глазах Августы Тихоновны это было несомненным достоинством.

С мечтой о поступлении в медицинский институт Светлана не пришлось распрощаться. Савва Борисович требовал постоянного внимания. Светлана спала урывками, только когда сам больной дремал. Проснувшись, он первым делом искал взглядом свою сиделку.

Убедившись, что она рядом, Савва Борисович успокаивался и вновь закрывал глаза.

Однако он же настоял, чтобы Светлана поступила в медицинское училище на очно — дистанционное обучение. Оставался ещё один год до окончания.

Светлана успешно сдавала все экзамены. Учёба, интенсивная нагрузка по уходу за больным, выматывали все её силы. Несмотря на молодость, девушка сильно уставала.

— За три года ни одного дня отдыха? Тебя используют, как рабыню? — возмущалась Алиса.

— Мне прилично платят за работу. Скоро я накоплю на отдельную комнату. Кроме того, Савва Борисович оплатил стоимость обучения. Не подумай, я ничего не просила, он сам, — с гордостью отвечала Светлана.

Изредка она посещала подругу, но это происходило всё реже и реже. Алиса училась на четвёртом курсе. Сложная программа, нехватка свободного времени, новый круг знакомств. Всё это не способствовало тесному общению подруг. Но по телефону Светлана часто обращалась к Алисе за медицинскими рекомендациями.

— Светка, а из тебя бы точно получился отличный врач! — восклицала Алиса.

* * *

В один из солнечных дней Светлана вывезла Савву Борисовича на прогулку. Поставив коляску в тени раскидистого клёна, она села рядом и открыла книгу, предварительно посмотрев на своего подопечного. Больной спокойно спал, окружённый зеленью листвы.

За эти годы Светлана прочитала уже половину библиотеки Гудовичей. Особенно её интересовали исторические романы времён Римской империи. Она закрывала глаза и мысленно бродила по улицам древнего Рима в белой тунике, с

царственной диадемой в волосах. Сейчас она с наслаждением углубилась в сочинения Светония.

— Светлана! Послушай! Я не хочу, чтобы после моей смерти, этот дом принадлежал Нонке. Как представляю, как жирный избалованный Никитка будет нежится в этом саду, мне тошно становится. Я придумал, что сделать. Мы с тобой поженимся и ты станешь моей законной наследницей! — вдруг громко произнёс Савва Борисович. Он широко открыл глаза, словно только что увидел странный сон.

Светлана оторвалась от книги и растерянно посмотрела на Савву Борисовича.

Неужели после черепно-мозговой травмы у него начались осложнения в когнитивной сфере?

— Да, не удивляйся ты так! Благодаря твоим рукам я ещё держусь на этом свете. Из-за меня ты потратила столько времени, не поступила учиться в институт. Я должен тебе погроб жизни! Не смотри ты так, всё с головой у меня в порядке. Я не имею в виду натуральную супружескую жизнь, в смысле моих плотских притязаний. Уж ты — то знаешь, что вся нижняя часть туловища у меня не работает. Кроме того, я не собираюсь приставать к девушке, которая моложе моей Лерки, с гнусностями. Нет! Я хочу оставить тебе этот дом в дар за твою заботу! — отчётливо произнёс Савва Борисович.

Светлане показалось, что за кустами сирени происходит какое-то движение. Кусты шевельнулись и всё стихло.

— Я ничего плохого о вас не думаю. Но... Нонна Борисов-

на будет не довольна вашим предложением, — ответила девушка.

В порядочности Саввы Борисовича она не сомневалась. Чем больше она работала у него, тем лучше становились их отношения. Она оценила щедрость и добрый характер мужчины. Он же находил в ней черты, сходные с чертами характера погибшей дочери.

— Ещё раз спрашиваю, ты согласна стать моей женой? Иначе я вызову нотариуса и передам дом приюту для престарелых. Всё равно он Нонке не достанется, я так решил. У нас с сестрой старые счёты, тебе об этом знать не надо. Не слышу твоего ответа! Согласна? — переспросил Савва Борисович в каком-то воодушевлении.

Светлана догадывалась о непростых отношениях между братом и сестрой. Никаких вопросов по этому поводу она никогда не задавала. Но кто, как ни она способна была понять, насколько чужими могут быть люди, родившиеся в одной семье.

Светлана окинула взглядом кленовую аллею, густо зеленеющую. В конце аллеи виднелось крыльцо дома, вокруг которого благоухали цветочные клумбы всевозможных расцветок.

— Я согласна, — тихо ответила она.

Как только Савва Борисович стал делать первые шаги с помощью экзоскелета в платном реабилитационном центре, он настоял, чтобы Светлана пошла на работу.

Она окончила медицинское училище с отличием. Специальность выбрала ту, о которой мечтала: акушер. К этому времени её подруга Алиса возглавила новый перинатальный центр. Она приняла Светлану на должность акушера отделения новорожденных.

В отсутствие Светланы за Саввой Борисовичем ухаживал Арсений Гранилов, стажёр из реабилитационного отделения. Высоченный атлет с сильными руками, приятным мужественным лицом и чуть выдвинутым вперед подбородком. Арсений заканчивал пятый курс медицинского университета и готовился стать специалистом в области репродуктивности человека.

Светлана познакомилась с Арсением во время медицинской практики.

Еду для своего мужа Светлана готовила сама. Длительная болезнь негативно отразилась на характере Саввы Борисовича. Он с недоверием стал относиться ко всему новому, неизвестному.

— Сеня! Что это за таблетки? Вчера были розовые! — с подозрением разглядывал он упаковку лекарств, которые

ему давал Арсений.

— Светлана вчера купила. Это те же лекарства, просто завод — изготовитель другой, — оправдывался Арсений.

— Ну, ну... Вечером спрошу у неё... — ворчал Савва Борисович, однако проглатывал положенные таблетки и капсулы.

— Что, спихнула меня этому хлыщу и рада? — спрашивал Савва Борисович у Светланы, когда она возвращалась с работы.

— Савва, ты же сам предложил мне работать! И кандидатуру Арсения ты сам одобрил! — возмущалась Светлана. Лишь недавно она стала обращаться к мужу по имени. После регистрации брака она долгое время называла мужа по имени и отчеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.